

Е. В. Лярская

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ СИСТЕМЫ ЛИЧНЫХ ИМЕН У ЯМАЛЬСКИХ НЕНЦЕВ¹

Введение

Так же, как и остальные народы, населяющие приполярную зону нашей страны, на протяжении всего XX века ненцы оказывались вовлеченными в тесные отношения с носителями русской культуры. Одним из последствий таких контактов является широкое распространение среди коренного населения русских имен, ставшее во второй половине XX века массовым. Причем, если первоначально русские имена давались, а часто и навязывались извне, то теперь эти имена дают своим детям сами ненцы.

На первый взгляд, русские имена просто вытесняют ненецкую систему имен и обращений: «Раньше детей называли ненецкими именами, но с приходом русских сплошь пошли русские имена» (Ядне 1995: 114). Так, вряд ли можно определить, основываясь только на именах, где среди перечисленных далее знакомых автора, живущих на Ямале, русские, а где — ненцы: Ольга Николаевна, Елена Григорьевна, Ангелина Васильевна, Мария Лукинична, Лев Сергеевич, Николай Гаврилович. Столь же сложно по списку имен учащихся двух разных классов понять, в каком из них учатся русские ребята, а в каком — ненецкие, потому что если ненецкие отчества у современных детей еще встречаются, то ненецких имен в этом списке, скорее всего, не будет.

Нередко этот процесс расценивается как еще одно свидетельство утраты национальной самобытности коренными народами: «К сожалению, с каждым новым поколением они [традиции и обычаи, связанные с наречением и бытованием имен у ненцев — *Е. Л.*] все больше стираются и забываются. Ныне родители дают детям, как правило, русские имена. Это свидетельствует об ассимиляции, об угасании национального самосознания» (Ненянг 1996: 3).

Анализ находящегося в моем распоряжении материала показал, что ситуацию нельзя оценивать столь однозначно. Во-первых, выяснилось, что ненецкие имена не исчезли, они продолжают сохраняться и широко распространены даже среди детей, родившихся в последнее десятилетие. Во-вторых, русские имена ненцев, похоже, существуют уже не просто параллельно с ненецкими, а постепенно включаются на правах одной из составляющих в ненецкую систему имен и обращений, видоизменяя ее, но не ломая. Подробному разбору сложившейся ситуации и будет посвящена эта статья.

В основу данной работы легли полевые материалы двух экспедиций факультета этнологии Европейского Университета в Санкт-Петербурге в Ямало-Ненецкий автономный округ в 1998 и 2001 годах², в ходе которых, наряду с другими проблемами, изучалась практика употребления имен у ненцев. Сбор данных проводился в городе Салехарде, поселке Яр-Сале и в стойбище одной из оленеводческих бригад совхоза Ярсалинский. Источниковая база этой работы включает в себя: 1) архивные данные Загса Ямальского района; 2) собственные наблюдения; 3) интервью с ненцами разных возрастных категорий; 4) методический и дидактический материал по преподаванию родного языка; 5) ответы на вопросы анкеты о составе семей учащихся средних и средне-специальных учебных заведений Яр-Сале и Салехарда³.

Меня интересовала не реконструкция существовавших ранее обычаев, а актуальность тех или иных представлений для ненецкой культуры сегодня. Поэтому особое внимание во время сбора материала обращалось на владение традицией младшими поколениями ненцев: большая часть моих информантов — это люди примерно от 12 до 40 лет.

Для описания современного положения дел мною были привлечены также сведения из различных типов печатных источников: статьи в периодике, книги писательниц-ненок А. Неркаги, Л. Ненянг, Е. Г. Сушой, Н. Ядне.

В статье речь пойдет в первую очередь о ямальских ненцах.

Система личных ненецких имен (по опубликованным исследованиям)

Особенности ненецкой системы имен не раз привлекали внимание исследователей, что нашло свое отражение в работах Н. М. Терещенко, Л. В. Хомич, М. Я. Бармич и др. В их основу легли полевые материалы, собранные более 20 лет назад (в 1970-е годы и ранее). Описания, созданные этими исследователями, и стали точкой отсчета, с которой я сопоставляла современные материалы. В трудах этих авторов традиционная система функционирования имен у ненцев выглядит следующим образом.

Среди ненецких имен исследователями выделяются два основных типа.

1. Ребенку дают *ненецкое имя, имеющее какое-то прозрачное (очевидное) значение* (Л. В. Хомич называет эти имена «мотивированными»), связанное с отличительными чертами наружности и поведения ребенка, сопутствующими его появлению на свет обстоятельствами семейной жизни, местом и временем его рождения, и т. п.⁴ Этимология этих имен чаще всего не вызывает затруднений: «Мюсеня» — *кочующий* (родился во время перекочевков), «Ёртя» — *рыбак* (родился, когда все близкие ушли на рыбалку), «Хадне (Хадко)» — (от *хад* ‘пурга’) *девочка (мальчик) родившаяся во время пурги*, «Меретене» — *быстрая* (возможно, родилась в результате быстрых или преждевременных родов), «Пубта» — *опоздавший* (то есть родившийся после смерти кого-нибудь из родных) и т. п.

Обычно указывается, что наречение таким именем происходит сразу после рождения, но, основываясь на анализе семантики подобных имен, можно сделать вывод, что их не всегда получал только что родившийся ребенок. Так, Н. М. Терещенко приводит имя «Сярати» и обоснование его получения: «Трехлетний малыш, не умея завязать пояс на малице, совал свой поясок в руки взрослому, говоря «Сярати» (*‘завяжи вот’*). Мальчика так и называли Сярати» (Терещенко 1986б: 235). Подобных примеров можно привести достаточно много.

Не совсем ясно из работ исследователей, как называли ребенка до появления такого имени. По свидетельству Г. Н. Грачевой, у нганасан: «Иногда ребенок, ничем пока себя не проявивший, долгое время остается без имени, и его называют родители просто «мой ребенок», бабушки и дедушки — «внук», или просто «лапсако» ‘люлечный’» (Грачева 1988: 48). В книге ненецкой журналистки и писательницы Л. Ненянг (Ненянг 1996: 10–11) упоминается о *наличии специальных детских имен-прозвищ, образованных от междометий* (Ова, Ову, Ляля, Олюлю, Аку, Папа, Атя и т. п.)⁵. Их произносит мать или другие родственники, играя с ребенком, лаская младенца, укачивая его. Дальнейшая судьба такого прозвища могла быть двойной: или оно закреплялось, или же, по достижении 7–9 лет, ребенку давали новое взрослое имя. Существование *детских имен-прозвищ*, по-видимому, не было редкостью: так М. Я. Бармич, анализируя официально зарегистрированные имена ненцев, выделяет среди них отдельную семантическую группу «по первым произнесенным им [ребенком — *Е. Л.*] звукам в подражание кому-либо или чему-либо», включая в нее варианты, подобные приведенным выше, и делает вывод, что «ласковые иронические дразнилки, произнесенные взрослыми при рождении ребенка, или случайный звук, услышанный при этом, впоследствии могли стать именами людей» (Бармич 1980: 98).

2. Второй тип имен — «священные», «настоящие». Большинство ученых указывают на существование этой категории имен у ненцев и противопоставляют ее предыдущей.

Л. В. Хомич высказала предположение, поддержанное венгерским ученым П. Хайду (Hajdu P. A nemek mekulonboztetesea nenysenevadoslan // Nyelvtudományi Közlemények. Budapest, 1970. Köt. 22, sz. 1. S. 45–47; Цит. по: Хомич 1976б: 117), и В. И. Васильевым (Васильев 1990: 111), что «мотивированные» имена с ясной этимологией, о которых шла речь выше — это не настоящие имена, а прозвища. «*Настоящие* же “*священные*” имена даются “по деду” (покойному), если родился мальчик, или “по бабке” (сестре деда), если родилась девочка. Они не употребляются в обиходе» (Хомич 1976б: 117). Например, «жена может не знать настоящего имени своего мужа. <...> Настоящее имя, а не прозвище для взрослого человека являлось запретным: произносить его можно было или детям между собой, или в тех случаях, когда старший звал младшего, в остальных случаях обращение по имени тщательно избегалось, использовались родственные термины. Прозвища употреблялись свободнее. Настоящие ненецкие имена, как правило, не переводятся из материалов ненецкого языка и, как правило, не повторяются» (Там же: 116). Таким образом, по мнению исследовательницы, у каждого ненца может быть как минимум два ненецких имени: «мотивированное» и «священное».

Другие исследователи (М. Я. Бармич, Н. М. Терещенко) также выделяют категорию имен «по предку», «священных», подчеркивая, что такие имена окружены большими запретами, и нередко человек имеет помимо такого имени еще и «открытое» (Терещенко 1986б: 234). Однако из их работ следует, что именем, полученным от предка, может быть и «мотивированное» (Бармич 1980: 84–85; Терещенко 1986б: 235). В то же время, прагматика легко переводимых имен никак не противопоставляется прагматике имен, значение которых неочевидно — то есть и здесь единства мнений не наблюдается.

Существуют свидетельства, что каждый род имеет свой фонд имен, и по имени иногда можно определить, к какому роду принадлежит человек (см., например, Зуев 1947: 66; Долгих 1954: 38–39; Бармич 1980: 84).

В. И. Васильев на основании многочисленных бесед с энцами и ненцами пришел к заключению, что «имя непосредственного генеалогического предка, как правило, давалось старшему сыну»⁶, а остальные дети получали имена «традиционные для данного рода (фамилии)». Таким образом, он тоже выделяет две категории имен, но противопоставляет не их этимологию, а время и способ их получения, не рассматривая их прагматику. К первой группе он относит «детские имена», которые дети получают сразу или вскоре после рождения, ко второй «настоящие имена», которые даются в отроческом возрасте. Не вполне понятно, к какой ка-

тегории относятся имена «традиционные для данного рода (фамилии)» (Васильев 1990: 112).

Таким образом, исследователи, единодушно выделяя две категории ненецких имен («открытые», «детские» и «священные», «настоящие», «получаемые от предка») и противопоставляя их друг другу, опираются при этом на разные критерии и основания, и, как следствие, одни и те же имена могут быть отнесены разными исследователями в разные категории.

Возраст, в котором ребенок может получить «священное» имя, тоже точно не установлен. Иногда указывается, что такое имя ребенок может получить при рождении (Терещенко 1986б: 234), по другим сведениям — в отроческом возрасте (Зуев 1947: 66; Васильев 1990: 112).

Наличие подобной системы, включающей в себя традицию давать как открытое имя, так и имя, перешедшее от предков, крайне ограниченное в использовании, зафиксировано и у родственных ненцев энцев (Долгих 1954: 39–40) и нганасан (Долгих 1954: 42; Терещенко 1986а: 223), а также у близких им во многих чертах обских угров (Соколова 1975; Карьялайнен 1994: 56–59).

Таким образом, из анализа литературы можно сделать вывод, что может существовать *три типа ненецких имен*: 1) «мотивированное» имя; 2) специальное детское имя, образованное, например, от междометий, от обращений к ребенку; 3) «священное» имя, переходящее от кого-нибудь из предков. По-видимому, один человек мог иметь имена всех трех типов. Наследственное имя, как и специальное детское, имел не каждый ненец. Помимо указанных типов имен, в литературе содержатся сведения о том, что на протяжении своей жизни взрослый человек может получить еще и *прозвище*.

Точные сроки, в которые происходит получение как «открытого», так и «священного» имени, не известны (согласно различным данным, они могут колебаться в значительных пределах: от «при рождении», до 5 и 15 (Зуев 1947: 66), 7–9 лет (Ненянг 1996: 11), или «когда вырастет» (Долгих 1954: 39), не ясно и как долго ребенок может оставаться вообще безымянным.

3. Исследователи достаточно единодушны в вопросе о том, *кто нарекал ребенка именем*. Ведущая роль в этом принадлежала у ненцев не родителям, а представителям более старшей возрастной группы или просто уважаемым людям: имя давалось стариками (Долгих 1954: 38) (например, по выбору какого-нибудь уважаемого старика-гостя — Попов 1936: 44), уважаемыми и почитаемым в семье людьми: теткой, бабушкой, повивальной бабкой (Терещенко 1986б: 234). Помимо этого, Л. В. Хомич приводит примеры наречения ребенка отцом (Хомич 1988: 67). По сведениям Б. О. Долгих, собранным в 1934 году, у нганасан ведущее место в определении имени новорожденного принадлежало матери ребенка, которая нередко делала свой выбор в зависимости от того,

что она увидит во сне (Долгих 1954: 42). Многие авторы упоминают также, что в определении имени ребенка мог участвовать шаман (Попов 1936: 44; Попов 1944: 83; Терещенко 1986б: 235; Грачева 1988: 48; Лехтисало 1998: 113).

Использование всех имен у ненцев подвергалось достаточно жесткой регламентации, которая проявлялась:

1. В стремлении избегать появления двух живущих одновременно людей с одинаковыми именами, по крайней мере, среди родственников.
2. В запрете на произнесение имени умершего.
3. В том, что по достижении определенного возраста к человеку перестают обращаться по имени, оно становится запретным, при общении вместо имени используют термины родства или заменяют имя обращением, строящимся по модели: «отец (*мать, бабушка, дед*) такого-то (*имя ребенка*)». Для обозначения человека в разговоре могут использовать его *прозвище*. О конкретной регламентации в использовании прозвищ написано меньше всего.

Так, в общих чертах, выглядит система ненецких имен, описанная в литературе. Для полноты картины обычно добавляется несколько слов о русских именах, также используемых ненцами. Сведения, которые касаются этих имен, сводятся к следующему. У ненцев они гораздо шире распространены к западу от Урала, где в XIX веке интенсивно происходила христианизация, у восточных же групп лучше сохранилась традиционная система имен, но сейчас и там широко распространяются русские имена. В быту они нередко подвергаются обработке в соответствии с фонетическими нормами ненецкого языка. Отмечается, что, помимо имен, ненцы имеют и отчества, как производные от русских, так и образованные «по русскому образцу» от «национальных» имен. Иногда авторы отмечают, что русские имена могут выступать в качестве заместителей запретных собственных имен (например, Терещенко 1986б: 236), на этом в основном наблюдения над бытованием русских имен заканчиваются. Особенности функционирования русских имен у ненцев до сих пор не становились объектом пристального внимания исследователей.

* * *

Как описанная выше ситуация соотносится с состоянием дел на Ямале в настоящее время?

I. Ненецкие имена

Анализ собранных данных показывает, что ненецкие имена продолжают сохраняться на Ямале. И сегодня почти каждый родившийся ребенок получает ненецкое имя. Семантика этих имен и обстоятельства их получения вполне традиционны; мои материалы от ранее записанных отличает только дата фиксации.

Типы ненецких имен

В ходе работы автору удалось зафиксировать бытование всех трех выделенных в литературе типов имен. Остановимся чуть подробнее на каждом из них.

1. «*Мотивированные имена*». Приведу несколько примеров из практики наречения именем детей, родившихся в 1990-е годы:

[Девушка 1980 г. р. рассказывает о своих младших брате и сестре] *Ненецкое имя дают, с ним обязательно что-то связано. Например, Роза, родилась в чуме, и она чуть ли не умерла, но она выжила. И ей дали имя Илне, что значит девочка--жизнь, девушка-жизнь, женщина-жизнь. <...> Вот. Сережа. Мюсена. Почему? Это переводится — каслающий [кочующий — Е. Л.] (нрзб.) Потому что, когда мы каслали, у мамы были... схватки! Мы очень быстро-быстро построили чум...*

(ЕУ—ямал—2001; 3)⁷

Девочка, во время рождения которой бушевала пурга, становится Хадне, близнецы получают традиционные для близнецов на Ямале имена Яхаче и Хеваче, что, по словам моих информантов, следует понимать, как первая и вторая половинка⁸, самого младшего брата моей 18-летней информантки зовут Воттаку (лишний)⁹ и т. д.

Важным является то обстоятельство, что эта практика сохраняется у всех категорий ненцев: согласно моим материалам, ненецкие имена получают как дети тундровиков, так и дети родителей, живущих в поселке или в городе, причем нет оснований говорить о том, что в одной группе это происходит чаще, чем в других.

Интересно, что если задать ненцу вопрос о том, существуют ли ненецкие имена, то в ответ он, скорее всего, приведет для иллюстрации одно из «мотивированных» имен, поясняя сразу, почему такое имя было дано, хотя продолжают бытовать и имена, не имеющие прозрачной этимологии.

В 2001 году мной был записан от мальчика 1988 г. р. рассказ, дополняющий известные до сих пор представления о правилах наречения «мотивированным» именем:

*...в семье там родился эта... мальчик, вообще слабый был... Назвали его эта... Хаборта, да? Медведь. Хаборта назвали его. Это, у нас в поселке история... Хаборта звали... Сейчас он стариком уже, да? Просто слабый был, чтобы он сильнее стал, Хаборта назвали. Но все равно, сильнее не стал, все равно слабым остался... все еще Хаборта, за то, что эта... Хаборта назвали, эта... именем медведя, эта его медведь этот, гималайский медведь такой, черный, и с белой грудью евонного сына загрыз. **О господи!** Вот до подросткового возраста уже, прямо около чума, загрыз... Хотя этот Хаборты, Хаборты вот. **Так нельзя называть людей?** Ага, нельзя. **А как еще нельзя называть?** Ну, (нрзб.) Хаборта это священо, медведь это священный...*

(ЕУ—ямал—2001; 6)

Эта история в своем роде уникальна. Во-первых, она отражает актуальные представления (см. время записи и возраст рассказчика). Во-вторых, до сих пор в литературе мне не встречались сведения о каких-либо сознательных ограничениях использования ненецких слов в качестве имен собственных¹⁰, хотя вполне возможно, что существует целая категория слов, которые не должны становиться именами людей.

2. Кроме мотивированных имен, мною было зафиксировано и существование *детских прозвищ*. Я чуть подробнее остановлюсь на одном примере, чтобы показать, как могут сочетаться между собой имена различных типов. Ребенок, о котором идет речь, имеет русское имя Сергей и ненецкое Мюсена¹¹ ('кочующий'), которое он получил, потому что схватки у мамы начались во время калания.

И так его назвали Мюсена? Да. А это имя когда-нибудь используется? Ну, когда как. Но его... Почему-то его все зовут Лю-Лю. <...> Герман [старший брат] просто не мог произнести: «кусочек жира, или комочек жира». Так мы его все Лю-лю зовем.

(ЕУ–ямал–2001; 3)

Действительно, когда речь раньше заходила об этом ребенке, обе его сестры всегда говорили: «Сережа, Люлюська»; о том, что у него есть еще и «мотивированное» имя, я узнала только через три года достаточно близкого знакомства с сестрами, и только когда речь зашла о том, каким образом даются ненецкие имена.

Этот пример очень показателен: если бы нам не стал случайно известен факт существования иного ненецкого имени, то мы отнесли бы «Лю-лю», являющееся, по мнению родственников, прозвищем, к категории мотивированных имен (Бармич 1980: 98), в которую, следуя логике М. Я. Бармич, мы можем занести немало схожих примеров, таких, как, приведенное выше «Сярати» ('завяжи вот')¹². Таким образом, этимология далеко не всегда помогает нам понять, имя перед нами или особое детское прозвище.

3. Чтобы получить надежный материал, позволяющий оценить распространенность третьей категории имен — «*священных*», выяснить правила наречения ими, нужно проводить отдельное исследование, так как собирать подобные сведения крайне сложно в силу особого к ним отношения со стороны ненцев. Это не входило в мои задачи, поэтому в данной работе, основываясь на собранных данных, я ограничусь лишь несколькими замечаниями.

Зафиксировать существование у современных ненцев «*священных*» имен удалось, однако их бытование не совсем соответствует описанию, сделанному Л. В. Хомич. Напомню, что она выделяет три основных характеристики: 1) ребенок получает такое же имя, какое носил его уже умерший родственник; 2) использование этого имени

окружено большим количеством запретов; 3) оно обычно не переводится из материалов ненецкого языка.

Мне известно несколько случаев, когда ненцы имели схожие имена, по-русски мои информанты называли их «старинными». Приведу два примера.

В одном случае мальчик носил имя, перевода которого никто не знал, но все однозначно воспринимали его как ненецкое «старинное». Для нас интересно, что это было единственное имя мальчика: представляясь, он называл именно его, оно значилось во всех официальных документах, и он вообще не имел русского имени и не общал о существовании у него какого-то другого ненецкого, то есть никакими особыми запретами его имя не было окружено, напротив, оно использовалось с максимальной свободой (ЕУ—ямал—2001; 6). В этом случае имя мальчика можно противопоставить категории «мотивированных» только на основании его семантики, отнести его к категории «истинных» имен мы не можем в силу большой свободы его употребления.

В другом случае женщина-учительница имела русское имя, которое и использовалось постоянно, но, по ее словам, у нее было еще и ненецкое имя, «имя прапрабабушки», которое она отказалась произносить, мотивируя это тем, что имена умерших произносить нехорошо. Она считала эту ситуацию довольно распространенной, и предполагала, что существуют два типа ненецких имен: «открытые» и «священные». Это иллюстрирует и ее урок, посвященным именам у ненцев:

Цитата из конспекта урока

«Как ваше ненецкое имя? (Ребята называют имена, а некоторые говорят, что у них нет ненецкого имени). «Это неправда, что [у некоторых ребят — Е. Л.] нет ненецкого имени, оно есть, но его произносить нельзя, потому что это может быть имя деда или бабушки, прадеда или прабабушки»¹³.

По словам учительницы, ее никто никогда этим именем не называл, но ей сказали, какое у нее ненецкое имя. В силу сказанного выше, я не знаю, имело ли имя этой женщины прозрачную этимологию, или оно полностью отвечало критериям, выдвинутым Л. В. Хомич.

В опубликованных в 1996 году материалах Л. Ненянг содержатся сведения о том, что и мотивированные имена могут передаваться по наследству, и приводятся примеры таких имен (Ненянг 1996: 4, 10). Ее данные, собранные в последние десятилетия, совпадают с данными М. Я. Бармич, опубликованными гораздо раньше, и примерами, приводимыми Н. М. Терещенко (Бармич 1980: 84–85; Терещенко 1986б: 235).

В 2001 году мною была также зафиксирована и еще одна точка зрения, которую высказала надымская ненка 1938 года рождения, родившаяся и выросшая в тундре. Она была очень удивлена, услышав от меня

описанную выше историю имени учительницы, поскольку полагала, что имен умерших родственников у ненцев не дают и не должны давать, так как имя умершего нельзя произносить.

Таким образом, мои полевые материалы не дают достаточных оснований для того, чтобы подтвердить существование сегодня категории священных имен в том виде, в котором их выделяет Л. В. Хомич. Мы можем говорить о том, что и ныне существуют имена, значение которых этимологически действительно не выводится из ненецкого языка, и о том, что существуют имена, получаемые от предков и окруженные большим количеством запретов; но мы не имеем веских причин, чтобы объединить эти две группы имен в одну. Еще раз подчеркну, что окончательные выводы по поводу этой категории имен можно делать только на основании специального исследования.

Итак, мои данные позволяют говорить о том, что у ямальских ненцев и сегодня можно выделить все указанные в литературе типы ненецких имен: «мотивированные», «специальные детские» и «священные». Однако за основание для разделения на категории нужно брать скорее не семантику имен, а их прагматику, их реальное бытование, последовательность их появления и ограничения, накладываемые на их употребление. Это избавит нас от неизбежного отнесения всех имен с неясной этимологией к категории «священных» и, напротив, позволит включить в эту категорию имена, которые имеют прозрачную этимологию и на этом основании относились к категории «мотивированных». Это позволит и более четко различать собственно имена и «специальные детские» имена. О том, что сегодня этимология имени может не играть решающей роли в отнесении его к той или иной категории, свидетельствует пример, описанный Л. Ненянг в ее работе «Наши имена» (Ненянг 1996: 10): имя *Атля*, образованное от междометия *ат-лят-лят*, которое часто произносил отец ребенка, подкидывая малыша, вначале было прозвищем ребенка (по крайней мере, воспринималось как детское имя). В дальнейшем оно закрепилось и стало именем взрослого человека¹⁴. Дальше Л. Ненянг пишет: «Вполне возможно, что потомок ныне живущего Атли будет носить это имя <...> через десятки, а может и сотни лет, как законное, настоящее имя». То есть, по мнению автораненки, детское прозвище может становиться именем взрослого, а это последнее может стать священным. Сама возможность такого перехода позволяет поставить под сомнение правильность построения классификации ненецких имен на основе их семантики.

Собранные в ходе экспедиций материалы не зафиксировали серьезных изменений, которые произошли в самом *процессе наречения ненецким именем*.

Насколько мне известно, какой-либо специальной церемонии, связанной с наречением ненецким именем, не существует. Имя это может даваться родителями, старшими родственниками или просто уважае-

мыми людьми. Не удалось точнее определить и возраст, в котором ребенок должен получить ненецкое имя. По нашим сведениям, в настоящее время ненецкое имя — как мотивированное, так и полученное от предка — ребенок получает в достаточно раннем детстве. Наши материалы, которые, конечно же, не претендуют на полноту, не фиксируют случаев получения ненецких имен в младшем школьном или подростковом возрасте.

На сегодняшний день имеются косвенные свидетельства существования еще одной особенности системы ненецких имен, не отмеченной в литературе: человек может пережить свое имя. В повести А. Неркаги «Белый ягель» (1996) один из героев снимает с себя пояс и отрекается от своего имени: «Сняв с себя пояс, он аккуратно положил его на нарту. <...> Тяжелый пояс устало звякнул цепями, будто вздохнул. Все... Нет того мужчины, что носил этот пояс. Ничья рука не потянется за ним по утрам. И когда он умрет, его положат рядом. <...> Отныне имя ему Старик и другого не полагается. Имя, данное ему для жизни, умерло. Хотя еще рановато идти под защиту и в тень этого имени. Но жизнь сама сделала так. Видимо, ей нужно, чтобы мужчины раньше времени снимали пояса, отрекались от себя и становились стариками» (Неркаги 1996: 37); «Я снял пояс и бросил на землю Имя свое», — сообщил он после этого своим соседям¹⁵ (Там же: 59). О том, что человек при жизни может остаться без своего имени, сообщает и А. В. Головнев. Он встретил однажды на Ямале старика, которого звали «Нгытарма», этим словом обозначается обычно кукла-заместитель умершего. В ответ на расспросы исследователя, близкие старика пояснили, что «это не имя. Его так называют потому, что он пережил свое имя» (Головнев 1995: 419). Таким образом, может существовать ситуация обратная наречению именем — утрата имени или отказ от него. Имеющиеся данные, к сожалению, крайне скудны, и если в первом примере нам известно, что героя повести постигло тяжелое горе: у него погибли жена и дочь, отказ от имени для него был равнозначен отказу от надежд на будущее, то во втором случае мы ничего не знаем об обстоятельствах, в результате которых человек «пережил свое имя». Но даже имеющиеся факты позволяют предположить, что они отражают наличие в ненецкой культуре не описанных до конца механизмов, обеспечивающих некоторое «расчеловечивание» индивида, происходящее в результате утраты имени, после чего он перестает быть полноценным членом социума и оказывается в положении отчасти симметричном положению новорожденного, еще не имеющего имени. Особо следует обратить внимание на то, что в примере А. Неркаги, мужчина *сам* лишил себя имени.

Регламентация использования имен

Особое внимание при сборе материала было уделено правилам, регламентирующим использование имен у ненцев. В основе этих правил, по-видимому, лежат представления о тесной связи имени и его носите-

ля, о том, что имя — не атрибут человека, а его неотъемлемая часть, о своего рода тождестве имени и самого человека (см. например, Топоров 1987: 509). На основе этих представлений возникло стремление избегать повторяющихся имен среди живущих, приводившее к очень большому разнообразию имен как у самодийцев (Грачева 1988: 48), так и у обских угров (Соколова 1975: 44). Так, по данным Грачевой, «нгансанские имена, как правило, не повторяются, тем более среди живых в одной группе и одного возраста» (Грачева 1979: 38, прим. 60). З. П. Соколова говорит об обычае, согласно которому, если в поселке все-таки оказывалось два тезки и один из них умирал, то второму обязательно спешили изменить имя, с мотивировкой, «чтобы он не умер» (Соколова 1975: 44). Аналогичное правило зафиксировано и у ненцев: «В течение некоторого времени после похорон имя покойного не произносили. <...> Того, кого звали тем же именем, что и покойного, переставали называть тем же именем и называли как-нибудь по-другому, или просто не (женщина), *хасава* (мужчина)». (Хомич 1966: 222). Стремление избегать одинаковых имен отразилось в пословице: «Сяңок нэнэй нэнэць', тяңок нюм'» — «Сколько людей в тундре, столько и имен»¹⁶. *Одинаковых имен стараются не давать и сегодня*. «Ненцы никогда не назовут детей именами живых родственников. Считается, что если в роду, в семье два человека с одинаковым именем, один из них умрет» (Тохоля 1995: 62). Для современных ненцев наличие двух родственников с одинаковыми именами настолько непривычно и ненормально, что среди прочих возражений против существования тезок выдвигается и такое: «Все будут путать, скажут, например, Яптик Виктор и будут думать, что это сын Петра, а это и не он вовсе, а совсем других родителей ребенок», — объясняла мне ненка, родившаяся в 1960-е годы. По ее мысли, все это будет происходить не потому, что кто-то не сможет разобраться, где чей сын, а оттого, что никому и в голову не придет, что существует два человека с одинаковым именем, являющихся родственниками, и поэтому путаница будет неизбежна. Это стремление к разнообразию имен подтверждает и статистический анализ анкетных данных ненецких семей (рассмотрены сведения более чем о 300 людях¹⁷). Несколько раз имена людей в одной семье совпали, но при ближайшем рассмотрении выяснилось, что в большинстве случаев эти люди не состоят между собой в родственных отношениях¹⁸. Имена у тех, кто действительно находится в близком родстве, совпали только два раза: в одном случае одинаковое имя носят две двоюродные сестры, а в другом — внук и родной племянник одного и того же человека.

Таким образом, можно констатировать сохранение стремления избегать одинаковых имен.

Наличие представлений о тесной связи человека и его имени подтверждает и полный запрет на произнесение имени покойника: «*умершего нельзя называть по имени, а о нем нужно говорить в описательной*

форме, например, “бывший в чуме”, тот, который “бродит на воле”, и др. Лишь спустя много времени можно сказать “моя мать” или “мой отец”», — зафиксировал воззрения ненцев в начале XX века финский ученый Т. Лехтисало (Лехтисало 1998: 113). В 60-е годы XX века Л. В. Хомич отмечала, что после похорон ни родственники, ни чужие люди в присутствии кого-либо из родственников не произносили имени умершего, его называли *янгумы* — «отсутствующий» (Хомич 1966: 222). «Юңгумы ненець’ нэвамда илңгу — ‘умерший, услышав свое имя, подымет голову’», — то есть нельзя беспокоить умерших — объясняла мне в 2001 году этот же запрет ненка, родившаяся в 1930-е годы. Этот предостережение актуально и сейчас, с ним мне пришлось столкнуться, когда я впервые стала собирать сведения о семьях моих информантов-школьников. Сначала оказалось, что дети отказываются называть имена своих пожилых родственников, говоря, что они их не знают, потому что всегда обращаются к ним при помощи терминов родства: «бабушка», «дедушка» и так далее. Но однажды я получила такой же ответ: «не знаю», на вопрос, как звали отца, который умер совсем недавно. Оказалось, что «не знаю» — это вежливая форма для отказа отвечать, которая стабильно используется ненцами вместо «не скажу» (ср. Ненянг 1996: 12). Однажды 17-летняя одиннадцатиклассница в ответ на мои вопросы довольно бегло назвала имена своих покойных родственников, и это вызвало явное неодобрение ее подруг, присутствующих при записи, они сказали ей что-то по-ненецки, и тут же пояснили мне: «*Зачем она так говорит, они [имеются в виду покойники — Е. Л.] ее накажут, так нельзя!*»¹⁹

Этот запрет, несомненно, сопряжен со стремлением максимально разделить мир живых и мир мертвых и регламентировать их общение. Видимо, это связано с отмеченным еще Д. К. Зелениным представлением о том, что «слово или имя <...> вызывает, “накликает” называемое существо или явление, как бы приглашая его явиться к произнесшему» (Зеленин 1930: 2). Запрет называть имя умершего стоит у ненцев в одном ряду с запретом произносить название болезней²⁰, имена некоторых зверей (в частности волка и медведя — Терещенко 1967: 129).

Рассмотрим сообщение, содержащееся в материалах Т. Лехтисало: «Если отец умер давно, то юрак дает его имя сыну, если имя попало не тому сыну, можно его сменить. Если ребенок при рождении плачет и не дает матери покоя, то зовут ворожея. Как рассказывали в Обдорске, тот садит ребенка на лопату и начинает гадать. Если он замечает, что ребенка посещает умерший родственник, то нужно дать имя этого умершего. Только после этого ребенок успокоится» (Лехтисало 1998: 113).

Здесь содержится два очень важных указания.

1. Для того, что чтобы имя умершего могло быть вновь использовано его потомками, должен пройти некоторый срок.

2. Имя может попасть не к тому ребенку, что может привести к его болезни.

Получается, что умершего нельзя называть по имени: если его окликнуть, он может вступить в контакт с позвавшим — это чрезвычайно опасно. Но его имя можно дать строго определенному новорожденному, и только спустя какой-то срок, при этом называть этого ребенка по такому имени будут чрезвычайно редко, и, скорее всего, у него будет второе, открытое, подставное имя.

Представления о том, что должен пройти какой-то срок, прежде чем имя умершего может быть дано родившемуся младенцу, актуальны и сегодня и зарегистрированы мною на Ямале в 2001 году.

Этот запрет на полное использование имени можно попробовать сопоставить с представлениями о жизни и второй смерти человека в ином мире, после которой он умирает, превращается в жука (си'). Срок, по истечении которого это происходит, называется разным: 3 года, 7 лет или столько, сколько человек жил на земле. После этого покойник уже не страшен, и никакого влияния на живых не оказывает (Хомич 1976а: 24). Возможно, время, через которое происходит «возвращение» имени, как-то связано с моментом этой второй смерти, и допускается только после нее. Правомерность подобного сопоставления подтверждается и материалами А. В. Головнева (Головнев 1995: 414). В этом случае становится понятным, почему информант Б. О. Долгих, получивший имя не прадеда, как это чаще бывает, а деда, счел необходимым обосновать получение своего имени тем, что дед был от внука «достаточно далеко», так как к тому моменту, когда он родился, отец его был уже довольно стар, а деда давно не было в живых (Долгих 1954: 40). По сведениям Е. Д. Прокофьевой, имя предка у ненцев с рек Танамы и Хеты давалось ребенку только в том случае, если его носитель умер 15–20 лет назад, «до этого времени имя считалось занятым. Это связывалось, несомненно, с представлением о двойнике, который тоже являлся владельцем имени и жил после смерти человека несколько лет, и лишь потом умирал» (Прокофьева 1953: 215).

Может быть, именно в несовпадении представлений о размере временного промежутка, после которого возможна вторая смерть, кроется ключ к приведенному выше высказыванию моей информантки о том, что имена умерших живым людям вообще даваться не могут. Вообще, наличие особого периода, когда имя покойника запретно полностью, никак не используется и не может «вернуться», может разрешить некоторое внутреннее противоречие между запретом на произнесение имени умершего и представлением о «возвращении» имени²¹.

Большинство исследователей, насколько мне известно, не фиксировали²² у ненцев представлений о реинкарнации (см., например, Прокофьева 1953: 207; Хомич 1976а: 24), сообщения о дальнейшей судьбе душ человека после его физической смерти не единообразны,

и в нашу задачу не входит сейчас анализ возможных вариантов. Представления о реинкарнации широко известны у обских угров, способ наречения именем и сам характер имен которых во многом сходен с ненецкими (Соколова 1975: 51). У хантов считалось, что «младенец похож на того человека, душа которого вселилась в него. Он его 'ляк-сыс'. Младенцу давали его имя и в дальнейшем отождествляли с тем, кто передал ему свою душу»²³. У ненцев же мы имеем лишь косвенные свидетельства о том, что подобные представления существуют, но связь между новорожденным, получившим определенное имя, и тем, кто его прежде носил, прослеживается. В рассматриваемом выше отрывке из Лехтисало говорится, что если ребенка посещает умерший родственник, то надо дать имя умершего; Н. М. Терещенко также указывает, что, по представлениям ненцев, дух умершего может требовать, чтобы ребенка назвали его именем (Терещенко 1986б: 235). *Возможность ошибки* при выборе имени ребенка, о которой говорилось выше, также свидетельствует о том, что такое имя не выбирается произвольно. Эти сведения вполне сопоставимы с наблюдениями Карьялайнена о том, что «югры, как вероятно, и многие другие народы, верящие в возрождение, полагают, что мертвый сам выбирает себе новое тело, и наречение ребенка — это только следствие уже происшедшего возрождения» (Карьялайнен 1994: 57).

В связи с этим надо заметить, что такой способ наречения принципиально отличается от широко распространенного у других народов наречения *в честь, в память*, то есть в знак уважения к предку²⁴, так как, когда имя дается *в честь*, ошибиться невозможно: неправильно назвать можно только в том случае, если название есть не произвольный акт, а угадывание, установление тождества между человеком и именем.

Кроме описанных выше запретов на произнесение имени умершего, существуют и запреты на называние по имени живых людей, достигших определенного возраста.

Н. М. Терещенко в своих работах (Терещенко 1959: 35–38; Терещенко 1966; Терещенко 1986б: 236), рассматривая ненецкие имена, указывает, что ранее произнесение имен взрослых людей было запретным (табу), а ныне «этот запрет на собственные имена воспринимается как знак уважения: называть по имени человека, который старше по возрасту, невежливо». Как форму вежливости характеризуют этот запрет в своих работах и представительницы среднего поколения — ненки Л. Ненянг и Е. Г. Сусой. Е. Г. Сусой, например, утверждает, что «запрещение в определенном возрасте имени <...> является признаком уважительного отношения к человеку и хорошего тона в тундре. <...> Обратиться по имени к человеку, уже имеющему право называться словом, обозначающим термины родства, равносильно нетактичному обращению у других народов к старшим или незнакомым людям на "ты", а по-

рой это можно рассматривать как не признание в нем человека» (Сусой 1994: 34).

Для того чтобы определить, насколько этот запрет актуален и распространен сегодня и каким образом мотивируется, я задавала вопросы о его действии своим младшим информантам — учащимся школ и техникумов (1980–1989 г. р.). В ходе работы выяснилось, что они все знают о существовании этого правила, в их представлении, оно связано только с этическими нормами, с уважительным обращением к старшим²⁵, и нарушение запрета, по их мнению, не может привести к какому-нибудь бедствию²⁶: «*Нет, несчастье тут ни при чем. Это уже люди придумали*» (выпускница педколледжа 1980 г. р.); (ЕУ–ямал–2001; 3).

Все они вполне владеют традиционными формами замены имени на обращение:

А если, ну, чтобы вежливой быть? ... как лучше ее [хозяйку] позвать? Вот как старший сын... По имени старшего сына, или по имени младшего сына. Вот моего папу называют Касьян нища²⁷ [отец Касьяна], так называют. Или, когда я еще маленький был, по имени старшей сестры Кристина нища, так называли. А вот дядю Сережу называют э-э-э Вовка нися, или Вилька нища, или Славка нища, вот так... Три сына у него...

(ученик Санаторно-Лесной школы 1988 г. р.;
ЕУ–ямал–2001; 6)

Специальная литература оставляет без четкого ответа вопрос о времени, с которого имя человека перестает использоваться в качестве обращения к нему, обычно ограничиваясь расплывчатыми указаниями: «с определенного возраста», «взрослых по имени не называют»; Н. М. Терешенко (1986б: 236) в качестве точки отсчета называет наступление половой зрелости, Л. Ненянг — «совершеннолетие, свадьбу»²⁸ (Ненянг 1996: 12–13). Однако все мои информанты устойчиво связывают такую переменную обращения исключительно с рождением детей. Вот пример из разговора с мальчиком, живущим в поселке:

А если старшая твоя сестра, например, вышла замуж, ты будешь как к ней обращаться? Я? По имени буду. По имени? А если у нее уже есть дети? Дети? Ну, как к тете обращаюсь. Как? К старшей сестре будешь, как к тете, обращаться? Да. Как? Ну, как бы, чтобы выражаясь как, что она старше. Так буду обращаться.

(ученик Санаторно-Лесной школы 1988 г. р.;
ЕУ–ямал–2001; 6)

Аналогичный ответ получен и в интервью с девочками-тундровичками:

Соб. А когда к человеку нельзя обращаться по имени?

Инф. 1. Когда он взрослый.

Соб. А кто такой взрослый?

Инф. 1. Ну... когда он уже отец...

Инф. 2. Ну, вот, если у человека родился ребенок.

Соб. Ну, вот, например, у твоей сестры родились дети, ты уже не называешь сестер по имени?

Инф. 1. Нет.

Соб. Уже как называешь?

Инф. 1. Нябоко...[самая старшая сестра]

(ученицы Санаторно-Лесной школы: 1 — 1984 г. р.;

2 — 1985 г. р.; ЕУ—ямал—2001; 2)

По моим наблюдениям, ко всем людям пожилого возраста, независимо от их семейного положения, обращение по имени не практикуется. Вопрос, существует ли какой-то четкий рубеж для перехода в категорию «взрослых» (по терминологии моих информантов) для людей, которые никогда не имели детей, остается неясным.

Мои информанты, относящиеся к младшей возрастной категории, не только достаточно свободно ориентируются в правилах употребления имен, но и указали мне на одну не отмеченную ранее особенность этих правил. Это сообщение позволяет несколько уточнить описание данного обычая, традиционно присутствующее в литературе²⁹.

По словам ребят, при прямом обращении к человеку требуется избегать его имени — это правило довольно жесткое. Человек в разговоре с третьими лицами может употребить имя другого, но, если он хочет подчеркнуть свое уважительное отношение, он не только в глаза, но и за глаза будет стараться называть другого при помощи подставной формулы: *отец (мать) такого-то*.

Но *правила* использования имен собственных ужесточаются в присутствии детей человека, которого называют. *Произнести имя* отца или матери *при его детях* во многих случаях означает *нанести им прямое оскорбление*. На это не указывалось ранее в работах исследователей, которые ограничивались упоминанием о том, что детям нельзя называть имена своих родителей. Это тем любопытнее, что следствия из этого правила были известны и приводились неоднократно (например, писалось о драках в интернатах, речь о которых пойдет ниже), однако они не соотносились с рассматриваемой особенностью запрета. Кроме того, именно эта особенность объясняет возникновение у моих информантов устойчивых представлений о связи между рождением детей и началом избегания имени человека.

По мнению моих информантов, запрет произносить имя родителей в присутствии детей — не абсолютный, и в некоторых ситуациях, когда назвать имя необходимо, это можно сделать, например, когда ребенок встречается с тем, кто не знаком с ним, но знает его отца:

Я приезжаю к тебе, и тебе объясняют, чья я дочь. И тебе скажут: «Вот, ты знаешь, это дочь [такого-то — произносят имя]», — и я не обижусь, меня просто

представляют. Ну, ты же откуда знаешь, кто такая эта Ульяна? ... В принципе, при мне они тебе скажут. Просто они не будут говорить: «ты знаешь, вот этот [имя], вчера приехал, и рассказал мне это...» Они скажут: «Ульяны папа вчера приезжал, он сказал то-то, то-то, то-то».

(выпускница педколледжа 1980 г. р.;
ЕУ—ямал—2001; 3)

Обратим внимание на вторую часть реплики девушки: вежливость, по ее мнению, заключается в том, чтобы отступление от правила было бы минимальным, и имя ее отца перестали бы произносить сразу же после того, как стало понятно, о ком идет речь.

Следует тщательно избегать при детях имен всех их старших родственников — матери, отца, деда и т. д. Например, если одновременно присутствуют мать (Татьяна) с дочерью (Катей), и речь заходит об отце матери, то про него уже не скажут «отец Татьяны», так как называть имя матери в присутствии дочери нельзя, а произнесут: «дед Кати», соблюдая таким образом необходимые нормы.

Видимо, раньше запрет на произнесение ребенком имени отца действовал жестче, потому что, по свидетельству Л. В. Хомич, русских педагогов еще в 1971 году крайне удивляло, что «дети не знают имен своих родителей», так как ребята отказывались их называть (Хомич 1976б: 117). Учителя иногда считали, что дети стыдятся национальных имен своих отцов:

«А по-нашему-то имена старших называть — большое оскорбление, унижение достоинства, и поэтому часто ребятишек, у которых родители остались на своих ненецких именах, спрашивают, и они так нехотя отвечают, не потому, что они стыдятся, а потому, что неудобно, неприлично, это народная традиция...»

(выпускница интерната 1932 г. р.;
ЕУ—ямал—98; ЕГС)

Сейчас эта проблема стоит не так остро, по крайней мере, при сборе материала я не столкнулась с особыми трудностями при выявлении имен родителей своих информантов³⁰. По свидетельству русских педагогов, долгое время работающих в интернате, младшие дети и сегодня нередко не называют имен своих родителей, хотя подобный отказ со стороны подростка воспринимается уже как своего рода поза (ЕУ—ямал—2001; 1).

Таким образом, если упоминания имен родителей нельзя избежать, то их произнесение сегодня допустимо, однако намеренное произнесение одним человеком имени отца другого по-прежнему расценивается как прямой вызов. Оскорбление, которое наносится произнесением имени отца ребенка, очень сильно; по-видимому, это достаточно традиционный и распространенный среди детей, особенно в интернате, способ сводить счеты со своими недругами. По крайней мере, мне известно о нем из нескольких независимых друг от друга источников, охватывающих большой период (от 50-х до 90-х годов XX века). По моим

сведениям, вслед за подобным оскорблением всегда следовала драка. Приведу пример одного из подобных сообщений для того, чтобы показать их характерную особенность: несмотря на то, что все истории о подобных драках рассказывались взрослыми людьми, которые о многих событиях своего детства вспоминают с юмором, повествования об этих оскорблениях до сих пор очень экспрессивны и полны осознания необходимости жестко и немедленно отстаивать свое достоинство³¹:

*Понимаешь, это самое обидное. Мы в интернате... У нас драки часто происходили из-за этого. Мы ж народ такой, что нас ничем не заденешь, но... Но есть наше больное место. Скажем... Ты у нас как, Владимировна, да? ... Скажу, ты, дочь Владимира, да твой отец — собака³². Ты что сделаешь? Да просто меня можешь убить из-за этого! Я, например, бы готова была бы убить из-за этого. **Убить за то, что мой отец — собака, или за то, что я — дочь Владимира?** За то, что мой отец — собака, и [возмущаясь] как ты посмел вообще, такой соплежуй, и произнес его имя в моем присутствии!*

(выпускница педколледжа 1980 г. р.;
ЕУ—ямал—2001; 3)

В заключение этого раздела нужно сделать несколько замечаний о том, как этот запрет реализуется на практике. По мнению моих информантов, это правило действует в первую очередь на территории тундры: «дома», — говорят тундровики, и «когда мы приезжаем в тундру», — говорят поселковые. Видимо, в поселке это правило действует менее строго. Возможно, это отчасти связано с преобладанием в поселке русского языка и русских имен (о специфике употребления которых речь пойдет дальше). Происходящие во время жизни в поселке (а учеба в школе-интернате является частным случаем такой ситуации) изменения касаются не только использования имен, здесь многие правила модифицируются, и снижается категоричность многих запретов (подробнее см. Лярская 2001).

В моих материалах имеется интересное интервью с девушкой не-ненкой, которая была в гостях в конце 1990-х годов у оленеводов Ямала и прокочевала с ними все лето (нужно сразу подчеркнуть, что она не владеет ненецким языком, и со всеми в тундре общалась только по-русски). В ходе разговора выяснилось, что она знает имена только своих ровесников, а имен остальных не знает, потому что окружающие обращались к ним при помощи терминов родства (тетя, младше матери; старшая сестра; мама, отец). На мой вопрос о том, как же обращалась она, например, к матери своих подруг, девушка сначала ответила: на «Вы», но после уточнения вопроса пришла в затруднение:

Ты к ней по имени обращалась? «Вы» и по имени? А я просто, я как-то... Не знаю... Ну, а окликнуть, чтоб обернулась? Слушай, а я как-то даже и не окликала. (Хочет) Потому что у них, у... мамы, я до сих пор имя, вот знаешь, не помню. Вот знаешь, оно у нее какое-то ненецкое, и вот это, и я его все время забываю.

(ЕУ—ямал—2001; 7) 109

Очень характерно, что девушка в тундре не испытывала никаких затруднений при обращении к людям, хотя не знала их имен; задуматься о формах обращения ее заставил только мой вопрос. Таким образом, информантка хотя и не имела представлений о существовании правила не обращаться к старшим по имени, но оказалась свидетельницей и участницей его выполнения.

В этой истории есть еще интересная деталь, на который стоит обратить внимание: хозяйка чума, о которой шла речь в приведенном примере, по моим сведениям, родилась в 1950-е годы, свободно владеет русским языком, получила среднее образование и имеет, помимо ненецкого, и русское имя. И, тем не менее, оно не стало известно ее гостю.

Итак, на основании данных, приведенных выше, можно сделать следующее заключение. Ненецкие имена не исчезли, их дают почти всем новорожденным ненцам, сохраняются и различные их типы. Сопоставляя наш материал со сделанными ранее описаниями, мы не можем найти существенных отличий и в правилах, которые регулируют использование ненецких имен.

Откуда же тогда берется описанное вначале впечатление, будто бы ненецкие имена почти полностью забыты и их существование находится под угрозой? Ответить на этот вопрос призван анализ того положения, которое заняли в ненецкой культуре русские имена. Этому и будет посвящена вторая часть статьи.

II. Русские имена ненцев

Известно, что с русскими именами ненцы познакомились задолго до Советской власти благодаря православной церкви, которая охотно крестила инородцев, и, следовательно, давала им христианские имена. Правда, очень часто ненцы знали только, что у них есть какое-то русское имя, а какое именно — не знали. С одной стороны, это происходило потому, что батюшка говорил на непонятном для них языке, и запомнить данное имя на слух было довольно сложно, а с другой стороны, это имя никогда и не использовали, оно существовало как бы про запас. Если ребенка крестили в младенчестве, то он мог вырасти и так и не узнать, какое имя он получил при крещении³³.

*...Вот я не знаю, какое имя мне дал батюшка, когда крестили. Трехмесячную меня здесь [в Салехарде] крестили. Мама говорила, что в церковь меня привезла, распаковала. Батюшка взял меня вот так [показывает] и опустил в святую воду. <...> Крестил меня тогда. **И не запомнили тогда имя?** Так я просто маму не спрашивала. А может и мама не знает...*

(выпускница интерната 1932 г. р.; ЕУ—ямал—98; ЕГС)

Сходные примеры приводит Г. Н. Грачева (1979: 38, 45). Иногда русское имя давалось и в тундре, наряду с ненецким, это не было каким-то из ряда вон выходящим событием.

Елена Николаевна, а когда Вы стали из Царкаце Еленой? А Еленой я, видимо, стала параллельно почти. Параллельно. Значит, мама так рассказывала, и бабушка по отцовской линии рассказывала: у мамы была сестра Валя, она была замужем за Михаилом Каневым. Так вот, этот дядя Миша доехал до реки Лены, и там, видимо... видимо, его маршируют и был таков. Но, по каким-то событиям, по каким-то причинам, его там арестовывают, он там сидит. Ну, сколько он там сидел — не знаю, но, в общем, он возвращается к тому времени, когда мне годик исполнился, когда я начала ходить уже. Но он приехал больной уже, туберкулезник... И он, оказывается, сказал: «Ой, девочка какая у вас, ну там интересенькая и все... Давайте ее еще по-русски назовите, чтоб вы потом меня помнили, вдруг я умру, чтоб вы меня помнили, я на реке Лене был, и почему-то многих русских девочек и девушек называют Еленами, Ленами. Давайте назовем, она на русскую похожа, так вот назовем ее Леной». Вот так я стала Еленой.

(ненка 1936 г. р.; ЕУ—ямал—98; ЕНО)

Однако не только крещение или какое-то памятное событие могли стать причиной получения русского имени. Всякий раз, когда русские сталкивались с ненцами, они стремились дать им *понятное* имя; эти имена использовались при редких контактах с русскими, а в остальное время про их существование никто не вспоминал. Одна из моих информанток, ненка 1936 г. р. спустя много лет случайно узнала, что «*папу, оказывается, по-русски звали Николай, ну, когда с русскими он общался, там с комсомолом, называли его Николай... так, в общении, его Николаем звали...*» (ЕУ—ямал—98; ЕНО).

Активное внедрение русских имен в ненецкую жизнь совпадает с началом массовых, интенсивных и постоянных контактов с русскими, которые возникли после прихода Советской власти на Север, со строительством культурбаз, школ-интернатов, советских учреждений.

Процесс появления русских имен у ненцев прошел через разные стадии. Сначала русские имена давались в основном русскими, например, при регистрации ребенка:

*И когда ... мама родилась в чуме, дед мой пошел в поселок, и когда его спросили, дед, как ты ... вы ее назвали? Он говорит: «Моля». Моля — это значит девочка, рожденная на... [пауза, подбирает слова — Е. Л.] на краю мыса, что-то такое, переводится. А они сказали: Оля, Ольга — это прекрасное имя, вот и написали Ольга (описываемые события происходят в начале 1950-х годов) (ЕУ—ямал—2001; 3)³⁴. Особенно часто это происходило при поступлении детей в школу-интернат (Терещенко 1986б: 237). Так, по воспоминаниям одной информантки, ее переименовали в Елену прямо в тундре, когда забирали в интернат, дело происходило накануне войны: «*когда приехала за нами — сказала: «Вот это будет Лена, вот это будет Пана», — вторая девушка». Родители не запомнили ее нового имени и когда приехали к ней в гости, то спрашивали не Лену, а Гену: «Так он [отец] просто запомнил — Гена. Гена-Лена — какая разница для ненца?» (ЕУ—ямал—98; ЕГС).**

Через двадцать лет, в 1960-е годы, в школу пошла ее племянница, и она тоже получила в интернате новое имя:

*И когда я поехала, пошла в школу, конечно, у меня было свое ненецкое имя, фамилия ненецкая, и когда села я в подготовительный класс, вероятно, я называлась Яптик Ябико... Я, значит, поехала со своим этим именем <...> когда учительница русская наша тоже была, тоже сейчас не помню имени этой учительницы, но точно помню, что русская это женщина была, она говорит: «Вот как вас зовут?», я называю свое имя — Ябико. Потом слышу: «Так, Ябико, ты будешь Валентина, Валя» Я помню, как проговаривала она мое имя, и с тех пор я — Валентина ... **А Вам понравилось это имя?** Мне понравилось, но она меня спросила: «Какое имя тебе нравится?», я сама даже назвала Валентина, потому что с нами жила русская девушка Валентина, которая вот моих родителей, меня учила русской азбуке.*

(ЕУ—ямал—98; ВНН)

Имена, полученные в этих случаях, уже существенно отличались от имен, полученных при спорадических контактах с русскими. Об их существовании не забывали, они активно использовались хотя бы на протяжении нескольких лет. Эти имена становились гораздо более привычными и своими для тех, кто их носил.

Со временем русские имена своим детям стали давать сами ненцы. Сейчас в основном дети приходят в школу, уже имея русское имя. Одной из причин появления этого имени было осознание разницы между жизнью в тундре и в поселке: русское имя дают ребенку, «потому что он должен учиться, или жить и работать среди русских» (Тохоля 1995: 62).

Б. А. Успенский подчеркивал, что все мотивы перемены имен «сводятся, по существу, к общему стремлению приобщиться к известному социуму либо, напротив, выйти из социума» (Успенский 1996: 190). Это правило хорошо подтверждается рассматриваемым примером: почти каждый ненец на протяжении последних десятилетий получает обязательно два имени: ненецкое, которое маркирует его принадлежность к своей этнической группе, и русское, которое включает его в более широкий контекст российской культуры.

Но, на мой взгляд, существует и еще одна дополнительная причина для такого широкого распространения новых имен, и кроется она в самой ненецкой культуре. Если мы вспомним описанную ранее ненецкую систему имен и обращений, то мы обнаружим в ней одну очень существенную особенность: *имя взрослого человека у ненцев не выполняло функции обращения*. Более того, это имя вообще старались лишний раз не произносить. Такая система нормально работала в тундре, но, когда ненцы начали активно взаимодействовать с носителями русской культуры, оказалась не вполне совершенной. Так, людям, не включенным в общину, какими были торговцы, пред-

ставители власти или зоотехники, при общении со взрослыми ненцами, по-видимому, приходилось испытывать серьезные затруднения: по имени обращаться нельзя, по фамилии бесполезно, потому что половина тундры носит одинаковые фамилии, родственным термином — невозможно. Другая сложность возникла вследствие стремления государства зафиксировать имя человека в паспорте, при рождении и в других подобных ситуациях. Государству требовалось точное обозначение человека, ненцы же, в свою очередь, стремились избежать фиксации своих ненецких имен.

В сложившейся ситуации требовалось, чтобы либо прагматика ненецкой системы имен и правил, с ними связанных, претерпела кардинальные изменения и допустила более свободное использование имен взрослых людей, либо должен был появиться какой-то новый элемент этой системы, который бы и выполнял искомые функции. Таким новым элементом и стали русские имена, у которых была замечательная особенность — на них не накладывались те ограничения, которые существовали для ненецких имен:

Русское имя можно другим называть? Можно, конечно. Ну, это не первоначальное имя. Если бы первоначальное было бы — значит, тоже неудобно было бы. Главное, со значением, с оттенком, с ненецким смыслом имя было бы. А какой ненецкий смысл — Коля, или Саша, или Лена, например?

(выпускница интерната 1932 г. р.;
ЕУ—ямал—98; ЕГС),

а значит, оперировать ими можно гораздо более свободно, чем ненецкими. Эта особенность, на мой взгляд, значительно способствовала процессу широкого распространения русских имен среди ненецкого населения.

Именно поэтому, когда государство стало вести учет своих граждан и записывать их имена, ненцы начали прибегать к русским именам, предпочитая называть именно их. Конечно, девушка, которая в тундре получила имя Елена, в школе звалась именно этим именем, оно же записано у нее в паспорте. Когда потребовалось записать еще и отчество своих родителей (а именно отчество составляло особую трудность, ведь даже назвать имя отца, а не то, что его записать и постоянно произносить, было неприлично), дети старались использовать, если у родителей имелось, русское имя, которое до сих пор не играло никакой роли, хранилось «про запас». Вот когда пригодились крестные имена.

Так вот, когда мне надо было в комсомол вступить — папу спрашиваю: «Какое имя тебе дал батюшка?». Его-то крестили в Тобольске. «Куркурэй»³⁵, — я думала Григорий. И так себя записала — «Григорьевна».

(ЕУ—ямал—98; ЕГС)

Постепенно государство стало фиксировать имена уже не только тех, кто вступал с ним в контакт, попадая в школу, вступая в партию

или комсомол и т. п., но и ввело общую регистрацию актов гражданского состояния. А значит, отныне требовалось называть имена родившихся, вступающих в брак, умерших. Более того, жизнь человека все более начинала зависеть от наличия у него паспорта. Именно к этому периоду и относится, по-видимому, массовое появление русских имен. Со временем появилась категория поселковых ненцев, живущих и работающих среди русских: учителя, медики и т. д., которые не имели возможности оставаться в рамках старой ненецкой системы, избегающей обращения к взрослым по имени; они также предпочитали использовать русские имена. Так оказалось, что русские и ненецкие имена начали функционировать параллельно.

Вообще, сам факт достаточно быстрого массового распространения нового типа имен среди всего ненецкого населения очень знаменателен. Это явление не случайно практически совпало по времени (1950–1970-е гг.) с серьезными изменениями, которые оказали значительное влияние на ненецкую «традиционную» культуру, оно служит их своеобразным отображением. По замечанию того же Б. А. Успенского, «... социальные реформы сопровождаются реформами семиотическими. Этот процесс и выражается прежде всего в мене имен и названий. С другой стороны, подобные явления могут служить важным показателем при характеристике того или иного периода жизни общества...» (Успенский 1996: 189–190).

Однако за истекшие десятилетия массового хождения русских имен их положение в ненецкой системе несколько изменилось, они продолжают исполнять функцию обращения, являются официальными именами, но и на них начали накладываться существующие в ненецкой системе правила.

Так, ненцы, особенно школьники, стараются избегать произнесения имени умершего, независимо от того, русское оно было или ненецкое.

Если мы обратим внимание на примеры, которыми мои информанты, иллюстрировали обычай избегать имен взрослых, то увидим, что действие ненецкого правила они показывали исключительно на русских именах: Касьян нища, Вовка нися, Кристина нища и т. д. Н. Ядне, демонстрируя действие того же самого обычая, приводит примеры, в равной мере используя как русские, так и ненецкие имена: Света Небя, Тэтамбой Нися, Владик Нися — мать Светы, отец Тэтамбоя, отец Владика (Ядне 1995: 113). Девушка 1980 г. р., желая подчеркнуть атмосферу уважения в семье своих родителей, сообщила, что ее отец, практически не говорящий по-русски, *всегда обращается* [к ее матери — Е. Л.] *мама Люды, по имени он ее никогда не зовет, как положено!* (ЕУ—ямал—2001; 3). В еще одном приводившемся выше примере девушка, прокочевавшая в тундре все лето, так и не узнала, что у хозяйки чума, где она жила, было русское имя. Таким образом в тундре,

особенно при детях, и на русские имена налагаются характерные ненецкие ограничения. (Возможно, это связано и с тем, что в тундре чаще используют ненецкий язык, а для ненецкой речи рассматриваемая модель обращения более характерна).

Третье правило, относящееся к регламентации имен, как мы помним, касалось стремления избегать появления тезок, особенно среди родственников. Анализ собранных имен ненцев показывает, что это правило ненецкой системы распространяется в полной мере и на русские имена. Одинаковые русские имена среди родственников практически не встречаются³⁶. При подробном разборе полученного списка русских имен поражает необычайно низкая повторяемость в их использовании. Так, наличие русских имен установлено для 96 ненцев-мужчин, принадлежащих к разным поколениям (годы рождения — от 1910-х до 2000-х) и родам. В этом списке 17 имен (17,7 %) не повторяются ни разу, а 12 имен повторяются один раз, составляя тем самым 25 % списка. Таким образом, на 42,7 % людей из этого списка приходится 29 имен. В то же время, в употреблении русских имен самими русскими, наоборот, прослеживается тенденция к сокращению списка используемых имен. Так, по данным В. Никонова, в 1961 году в Костроме более 50 % родившихся мальчиков получили всего четыре имени, в 1967 году в Ульяновске пяти имен хватило почти на 75 % новорожденных мальчиков (Никонов 1970: 43). Данные, практически совпадающие с приведенными выше, имеются и для других регионов России, включая Москву (Личные имена 1970).

Стремление к максимальному разнообразию привело к распространению среди ненцев имен, которые, будучи заимствованными через русский язык, воспринимаются ими как русские, хотя для самих русских они до сих пор не утратили оттенка экзотики. В моей картотеке присутствуют: Земфира, Снежана, Ренат, Касьян, Ганнибал, Герман, Ангелина, Альбина, Алиса, Роза, Майя, Мирослава, Радий, Руслан, Тимур, Эдуард, Эльвира, Ян и т. д. Это стремление к разнообразию вполне осознано: когда я осведомлялась о причинах получения столь необычных имен, мне отвечали, что «ну, у ненцев же такое имя редко встретишь» (ЕУ—ямал—2001)³⁷. Распространение подобных имен с той же мотивировкой у хантов и манси было отмечено и З. П. Соколовой (Соколова 1975: 44).

Многочисленно зафиксировано только два упоминания о существовании родственников с одинаковыми ненецкими именами. В обоих случаях информанты сразу же подчеркивали, что русские имена у этих людей были разные. Видимо, наличие разных русских имен должно было компенсировать совпадение ненецких имен, расподобить людей и отвести от них несчастье. Однако в одном из повествований существование тезки-родственника воспринималось в качестве первопричины, приведшей к гибели героя рассказа, и разные русские имена оказались не в силах ее предотвратить (ЕУ—ямал—2001).

Все сказанное выше свидетельствует о том, что русские имена явно изменили свою позицию в системе имен, и если еще в начале века они в основном представлялись чем-то внешним по отношению к человеку, как говорилось в цитируемом уже ранее высказывании: «Гена-Лена — какая разница для ненца?», то теперь и русское имя может восприниматься не как атрибут, а как неотъемлемая характеристика самого человека. И именно вследствие такого изменения позиции русских имен на них и стали распространяться правила, действовавшие в ненецкой системе. Возможно, что через некоторое время русские имена могут оказаться и среди «священных», то есть начать «возвращаться», как это произошло, например, у хантов, познакомившихся с русскими именами гораздо раньше. Подобные случаи описаны в статье З. П. Соколовой, которая приводит образцы таких замечательных «предковых» хантыйских имен, зарегистрированных еще в XVIII веке, как «Потяп» и «Васка». Одна моя информантка (выпускница педколледжа 1980 г. р.), например, сообщила мне следующее: «Ну, как имена у нас вообще-то дают только тогда, когда умирает кто-то из старшего поколения. Дед умер, например, дед Александр. Вот после этого можешь в честь деда называть» (ЕУ—ямал—2001; 3) — однако я не располагаю данными о том, насколько подобные представления относительно русских имен распространены.

III. Практика употребления русских имен и сочетание ненецких и русских имен

Хотя ненцы теперь и сами дают своим детям русские имена, но употребление этих имен ими весьма своеобразно. Однажды мне пришлось записывать сведения о составе семьи у двух родных сестер. Так получилось, что работа с ними велась параллельно, и одна из них не знала, что говорила другая. В общем, сведения, сообщенные ими, вполне совпали, за исключением одного момента: обе они не помнили точно всех сестер своей матери, каждая назвала общее их число — 6, и привела имена тех, кого помнила. Число сестер совпало, но когда я попыталась свести воедино сообщенные ими списки, то оказалось, что там не 6, а 8 женских имен. Следовательно, две женщины в этом списке появлялись дважды под разными именами. Не без некоторого труда мне удалось установить одну из них, она была упомянута один раз под русским, а один раз — под ненецким именем, но вторую мне так и не удалось определить. Стало понятно, что эта женщина, по-видимому, имеет два русских имени, оба из которых могут употребляться достаточно свободно. Данный случай — далеко не исключение. Приведу еще два примера.

Первый рассказан одной учительницей-ненкой, родившейся в 1960-е годы. Когда она появилась на свет, родители записали ее в сельсовете Евдокией. Об этом имени все забыли, и в тундре она росла со своим ненецким именем. Когда она пришла в школу, то ее сестры ска-

зали ей, что с таким (ненецким) именем здесь жить нельзя, оно не подходит, и придумали ей новое имя — Ирина. С этим именем она училась в школе, так ее звали друзья и все жители поселка. В 16 лет пришло время получать паспорт, и потребовалось свидетельство о рождении. Когда его нашли, то оказалось, что она не Ирина, а Евдокия. На это, последнее имя ей и был выдан паспорт. С этих пор в самых официальных случаях ее зовут Евдокия³⁸, в остальных — Ирина. Таким образом, она теперь имеет и использует два русских имени. По ее словам, подобные истории были нередки (ЕУ—ямал—98). Спустя почти два десятилетия аналогичный случай произошел и с ее племянником. В Загсе он был зарегистрирован как Антон. Об этом имени, как и в первом случае, все снова забыли; мальчик рос в тундре совсем с другим русским (!) именем, с ним он пришел в школу, с ним кончил 9 классов, и только когда он поступил в техникум и пришла пора получать паспорт, он к собственному и всеобщему изумлению узнал, что его зовут совсем не так, как он считал всю жизнь. Единственное отличие этой истории от предыдущей заключается в том, что если у мальчика и было ненецкое имя, то оно практически не употреблялось и в тундре (ЕУ—ямал—2001).

В этих историях знаменательно то, что о первом имени все просто-напросто забывали сразу после того, как оно было официально зарегистрировано. Оно было совершенно не нужно в тундре и необходимо только для того, чтобы что-то было записано в документах, чем-то была заполнена строка. Это, на мой взгляд, не позволяет рассматривать приведенные примеры с точки зрения традиционного противопоставления пары имен «открытого» и «тайного», «официального» и «неофициального», потому что первое имя никто не противопоставлял второму, какой-то мотивировки (имя не подходит, не нравится, его нужно скрывать и т. п.) для перемены имен не было. Строго говоря, здесь вообще не происходило никакой смены имени, потому что имя, которое записано в бумагах, имело отношение только к этим бумагам («в русской бумаге написано»), но не к самому человеку.

Функция подобного имени в этом и заключается: стоять в документах. Получается, что документы Загса не фиксируют факт существования человека с определенным именем, а регистрируют какое-то имя, которое, возможно, не имеет никакого отношения к этому человеку. Это имя может совпасть, а может и не совпасть с реальным именем конкретного человека. Если бы особенности регистрации актов гражданского состояния в нашей стране не требовали получения в 16 (теперь в 14) лет паспорта на основании свидетельства о рождении, то об имени, записанном в документах, никто бы никогда не узнал³⁹. Но поскольку система у нас именно такая, то при оформлении документов человек внезапно обретал еще одно дополнительное имя⁴⁰.

Некоторые *особенности* можно отметить и в *бытовании* у ненцев *отчеств*, которыми практически все они официально обладают после проведения паспортизации. Отчества изначально нехарактерны для ненецкой системы и поныне, за исключением официальных ситуаций, используются достаточно редко, правила и нормы в отношении их использования находятся еще в стадии становления.

Отчество как указание имени отца долго составляло определенную проблему при общении ненцев и русских, особенно учителей и учеников в интернате. Теперь нередко бывает так, что в документах записано отчество, произведенное от ненецкого имени, а в жизни используется русское отчество: Ихдುವна — Ивановна, Саволявна — Степановна, причем русский вариант предлагают сами его носители и совершенно не стремятся к тому, чтобы собеседник запомнил их ненецкое отчество.

С отчествами связано еще одно интересное наблюдение. Несколько раз во время сбора анкетных данных складывалась следующая ситуация: человек называет, например, отчество своего отца или матери, а имя деда, который к моменту разговора уже умер, называть отказывается, с традиционной мотивировкой «я не знаю». Получается, что, например, имя деда — Хасованя (или Константин), в соответствии с обычными правилами произносить нельзя, а отчество Хасованявич (или Константинович) — можно. В таком случае, видимо, отчество начинает утрачивать свою непосредственную связь с именем, от которого оно произошло, перестает указывать на отца человека и воспринимается как составная часть собственного имени (в противном случае, отвечающий последовательно должен был бы избегать произносить как имя покойника, так и отчество, произошедшее от этого имени).

Несколько замечаний о том, как сегодня могут сочетаться между собой русские и ненецкие имена. Если попробовать задать прямой вопрос, то ответ чаще всего будет следующий: «В тундре русское имя не считается настоящим. Его дают ребенку только потому, что он должен учиться или жить и работать среди русских» (Тохоля 1995: 62) или «Ненецкое имя дается при рождении <...> а русское имя дается, когда делается свидетельство о рождении» (ЕУ—ямал—2001; 3). Однако это не более чем стереотип, поскольку факты нередко противоречат обоим этим утверждениям. Так, например, младший брат и сестра девушки, которой принадлежит последнее высказывание, по ее же словам, родились в 1990-х годах в тундре и в тундре же получили как ненецкие, так и русские имена, а свидетельства об их рождении родители оформили только тогда, когда детям пришлось поступать в школу.

Реальность такова, что большинство ненцев Ямала сейчас имеют как ненецкое, так и русское имя. Это настолько очевидно, что учительница-ненка строит свой урок, посвященный именам у ненцев, следующим

образом: первую половину урока она посвящает национальным именам, затем произносит фразу: «но у вас есть и другое имя, русское имя», и переходит к разбору значений русских имен детей (ЕУ—ямал—2001; конспект урока).

Существует категория тех, кто не имеет русских имен, причем такие люди есть среди всех поколений, как младших, так и старших⁴¹. Определить таких людей достаточно легко. В ситуации, близкой к официальной (а именно так воспринимается сбор приезжим человеком анкетных данных), чаще всего, если русское имя у человека есть и оно употребляется, будет названо именно оно, даже если в документах зарегистрировано ненецкое. Это отражает имеющуюся тенденцию: при общении с русскими из двух существующих имен выбирается русское. Под действие этого правила не всегда попадают лишь те, кто еще не ходит в школу. Их братья и сестры — мои основные информанты — чаще называют такие имена малышей, которыми пользуются дома, не отдавая предпочтения, как в остальных случаях, русским именам⁴².

Вполне естественно, что не имеющих русских имен оказалось достаточно много среди старших поколений, но показательно, что и среди младших имеются люди, носящие только ненецкое имя. Их число невелико, но они стабильно есть в каждом поколении, причем отсутствие русского имени не воспринимается окружающими как что-то из ряда вон выдающееся или как архаизм. На мои вопросы окружающие отвечали: «Так бывает».

Следует, однако, еще раз обратить внимание на то, что наличие только одного имени автоматически переводит ненецкое имя в разряд официальных и допускает его более широкое употребление, не свойственное ранее ненецким именам. Если так происходит с именем человека, родившегося достаточно давно, то можно предположить, что это имя было зафиксировано в результате какого-то стечения обстоятельств, и нарушение традиции произошло невольно, но когда мы имеем дело с представителями молодежи, то можем говорить о вполне сознательном выборе родителей⁴³. Появление тенденции регистрировать ненецкое имя в качестве официального было отмечено еще Н. М. Терещенко (Терещенко 1986б: 237). Мотивы такого решения родителей надо рассматривать каждый раз отдельно. В одном известном мне случае, например, о причинах, по которым у человека в официальных документах значится ненецкое имя, рассказывается следующая история: за получением русского имени его родители обратились к православному священнику, тот окрестил мальчика Петром, а такое же русское имя уже было у его дяди. Родители ребенка были неграмотными, по-русски разговаривать не умели и не смогли объяснить священнику суть затруднения, поэтому они решили избежать существования тезок, зарегистрировав ребенка под его ненецким именем (ЕУ—ямал—2001; 3).

В силу указанных уже особенностей бытования ненецких имен сложно получить достоверный ответ на вопрос *существуют ли люди, не имеющие национального имени?* На этих трудностях необходимо остановиться подробнее, так как они показательны для всей темы в целом.

Когда я первый раз в разговоре с информантами коснулась вопроса имен, они охотно мне рассказывали, что вообще ненецкие имена бывают, приводили примеры, но практически никогда не отвечали утвердительно на вопрос: «Есть ли у тебя (Вас) ненецкое имя, и какое?» Создавалось впечатление, что имена существуют сами по себе, а люди сами по себе. Позднее я изменила формулировку, и если в ответ на: «Есть ли ненецкое имя?», слышала «нет», то задавала дополнительный вопрос: «Его нет совсем, или есть, но ты не хочешь его назвать?» Теперь я уже гораздо чаще стала слышать ответ: «Да», но все равно собственное ненецкое имя люди, даже доверительно рассказывающие о других, иногда очень интимных вопросах, называют весьма редко⁴⁴.

Эта особенность очень четко обозначилась в ходе диалога с девушкой-тундровичкой 1984 г. р., учащейся Санаторно-Лесной школы:

А у вас есть ненецкие имена? У некоторых есть. А у кого есть? [молчание]...
Нет, кому дают ненецкие имена? Всем дают. Всем дают? Но есть у некоторых?
Да. А вы не хотите просто называть свои ненецкие имена? Нет, нету.

(ЕУ—ямал—2001; 2)

«Дают всем, но у меня нету» — это очень распространенная позиция. Нежелание называть свои имена, помимо прочего, связано, на мой взгляд, еще с двумя факторами. Ненецкое имя сейчас явно воспринимается как более интимное, это имя для своих, в то время как русское существует для всеобщего пользования⁴⁵. Отказ называть свое ненецкое имя во многом может быть связан именно с желанием сохранить дистанцию, не смешивать различные сферы своего бытия. Вторая особенность ненецких имен — это то, что большинство из них имеют прозрачную этимологию, которая вполне очевидна его носителю. За отказом называть свое имя иногда может стоять нежелание рассказывать обстоятельства его получения, пояснять его значение. Иногда информанту просто не нравится значение его имени.

Почему нельзя называть ненецкое имя? Можно называть. А почему ты не хочешь? Просто не хочу. Ну, это как-то... Ты можешь объяснить ощущения свои?
Ну, она [так! — Е. Л.] мне потому что не нравится.

(выпускница педколледжа 1980 г. р.;

ЕУ—ямал—2001; 3)

Аналогичный пример из своей биографии приводит и Н. Ядне (Ядне 1995: 13). Гораздо чаще, чем собственные, указываются вторые (по отношению к русским) имена родственников, например, братьев и сестер. Крайне редко, хотя бывает и такое, информанты говорят по соб-

ственной инициативе: его имя Петр, а в тундре Пэдава; чаще же всего ненецкое имя появляется в ответ на дополнительный вопрос собирателя. Иногда информант сначала утверждает, что у какого-то его родственника нет ненецкого имени, а через некоторое время, в разговоре о ненецких именах вдруг вспоминает, как этого родственника зовут по-ненецки. То есть он не против назвать это имя вслух, потому что он тут же его произнес в другой ситуации, имя знает, но вспоминает его только в определенном контексте. Русское и ненецкое имена в таком случае не вполне равноправны, то есть нельзя представлять ситуацию таким образом, что при общении с русскими этот человек называется русским именем, а при общении с ненцами — ненецким. Это неравенство вполне соответствует традиции бытования ненецких имен.

Таким образом, отсутствие ненецкого имени человека в моих материалах не может служить основой для вывода о действительном наличии/отсутствии такого имени: возможно, что тот, кто отвечал на этот вопрос, не знает ненецкого имени того, о ком он говорил, или что он забыл его на момент опроса. Даже категоричное утверждение кого-либо о том, что у него самого точно нет ненецкого имени, не является достаточным. Вполне возможно, что он в силу каких-то причин отрицает его наличие, и потом, из разговоров с его родственниками, это имя может выявиться.

Все сказанное выше привело к тому, что, хотя в моей картотеке содержатся сведения об именах достаточно большого количества ненцев (около 300 человек), я не могу привести надежных данных о том, у скольких же из них есть ненецкие имена, а у скольких — нет.

Таким образом, мы не имеем надежных оснований ни для того, чтобы сделать вывод о количестве ненцев, не имеющих ненецких имен, ни о существовании такой категории ненцев вообще. Более определенно мы можем говорить о существовании трех категорий ненцев: тех, кто не имеет русского имени (их немного); тех, кто имеет как русское, так и ненецкое имя (основная часть), и тех, кто утверждает, что у них нет ненецкого имени. В большинстве случаев ненецкое имя, в соответствии с традицией, имеет более узкую сферу применения, чем русское. Иногда этим именем называют детей только во время их пребывания в тундре, в некоторых случаях оно используется только по отношению к маленьким детям, которые, вырастая, начинают называться русским именем. В некоторых случаях ненецкое имя человека вообще практически не используется, хотя и дается ребенку, «потому что он ненец».

Заключение

Итак, на основании проанализированного материала мы можем сделать следующие выводы. Ненецкие имена не исчезли, они широко распространены и сохраняются у всех групп ямальских ненцев, как пожилых, так и самых юных, как у тундровиков, так и у тех, кто живет в

городе или поселке. По мнению информантов, существованию этих имен ничего не угрожает. Сохраняются и основные правила, регулирующие бытование этих имен; знаниями об этих правилах владеют в равной мере как ненцы старших поколений, так и те, кому еще нет и 20; таким образом, у нас нет никаких оснований для того, чтобы делать вывод о постепенной утрате подобных представлений.

Широко распространившиеся за последние десятилетия на Ямале русские имена, таким образом, не вытеснили ненецкие, а стали использоваться одновременно с ними. Массовому распространению русских имен, в частности, способствовало не только обыкновение русских переименовывать коренное население и желание ненцев, в свою очередь, иметь «подходящие» имена для общения с русскими, но и особенности существующей у этого народа системы имен и обращений, при которой сфера использования имени взрослого человека стремится к максимальному сокращению (имя не является обращением и крайне редко произносится вслух). Поскольку во время постоянных контактов с русскими от имени требовалось выполнение новых функций, не свойственных ранее ненецкой системе, то последняя неизбежно должна была каким-то образом трансформироваться. Произошло это за счет широкого внедрения русских имен. Именно русское имя начало появляться во всех тех случаях, когда использования ненецкого, в соответствии с традицией, стремились избежать. Поэтому, если сравнить сферы использования русского и ненецкого имени, то неизбежен вывод, что область использования ненецкого значительно уже, однако из этого ни в коем случае не следует делать вывод о том, что именно русское имя является основным, а ненецкое — второстепенным.

Одновременно представлена, хотя и весьма незначительно, и несколько иная тенденция — давать своим детям только ненецкие имена. В таком случае национальное имя начинает выполнять функции, которые присущи русскому имени и ранее отсутствовали у ненецкого. В этом случае трансформация системы идет за счет расширения сферы использования имен, и изменения, которые происходят в существующей традиции обращения с именами, как кажется, гораздо кардинальнее.

По всей видимости, в настоящий момент идет процесс изменения роли, которую играют русские имена в ненецкой системе. Если изначально они воспринимались ненцами как что-то внешнее по отношению к носящим их людям, то сейчас они, наравне с ненецкими, могут становиться неотъемлемой характеристикой человека. Об этом свидетельствует как то, что теперь ребенок чаще получает русское имя при рождении, даже если его родители тундровики, так и то, что на русские имена постепенно начали распространяться запреты и правила, регулирующие использование ненецких имен.

Примечания

¹ Работа выполнена при поддержке программы ЕУСПб «Развитие социальных исследований образования в России» и фонда Спенсера.

² Далее ЕУ—ямал—98 и ЕУ—ямал—2001.

³ Анкетирование проводилось следующим образом: исследователь задавал вопросы о составе семьи информанта и записывал ответы с его слов. Обычно сообщались сведения об отце и матери, их родителях, братьях и сестрах родителей и братьях и сестрах самого ребенка. Часто работа проводилась с группой учеников (3–5 человек), то есть исследователь работал сначала с одним, затем с другим и так далее, но все дети могли слушать ответы друг друга и реагировать на сообщаемые сведения: подсказывать, поправлять, комментировать, выражать удивление, недовольство услышанным и т. д. Таким образом были собраны сведения разной степени подробности примерно о 17 семьях (около 300 человек).

⁴ Подробнее Иславин 1847: 122; Зуев 1947: 65; Долгих 1954: 38; Терешенко 1959: 35–38; Терешенко 1965: 932; Терешенко 1966; Хомич 1966: 181; Бармич 1980; Терешенко 1986б: 234–235.

⁵ Это — единственное прямое упоминание такой практики в литературе.

⁶ В других источниках (например, Хомич 1976б: 117; Терешенко 1986б: 235) указывается, что имена «по предку» могли получать и девочки.

⁷ Здесь и далее: цифра после года означает номер полевой фонограммы, буквы — инициалы информанта.

⁸ Кстати, тут мои сведения не совсем совпадают с наблюдениями, сделанными Л. В. Хомич у ненцев и Б. О. Долгих у энцев. Л. В. Хомич пишет, что случаи рождения близнецов у ненцев достаточно редки, и вопрос об их наречении почти не изучен, но имеются данные, что один ребенок получал собственное имя, а второй обязательно получал фиксированное имя, означающее ‘близнец’, аналогичные данные приводит и Долгих. (Яхаца (м), Яхане (ж) — ненцы; Дехеля (м), Дяхангэу (ж) — энцы). Мною было зафиксировано два случая: в одном близнецы-девочки родились в 1930-х годах; другой имел место в 1990-х годах, на свет появились близнецы-мальчики. В каждом случае оба ребенка получали фиксированные имена. По мнению моих информантов, это общее правило (то есть, если одного из близнецов зовут Хеваче, то другого должны звать Яхаче). В общении с информантами я просила их помочь мне, говоря, что у меня записано одно из имен, а второго я не могу разобрать, во всех случаях и взрослые и дети, правильно называли мне второе имя из пары.

⁹ Это имя достаточно традиционно для ненцев, имеет несколько вариантов и встречается во многих источниках (см. например, Терешенко 1959: 35; Куприянова 1965: 747; Хомич 1976б: 117; Ненянг 1996: 31, 77. М. Я. Бармич (1980: 100) приводит 8 вариантов этого имени). Перевод его не вызывает затруднений. Я задала девушке вопрос, почему мальчика так называли, она пояснила, что имя значит *лишний*, потому что он без пары, одиннадцатый по счету. Это меня заинтересовало, поскольку в только что приведенном ею списке ее младших братьев и сестер этот ребенок стоял на последнем, восьмом, месте, то есть

как раз имел пару. Выяснилось, что у мамы были еще дети, которые умерли маленькими и которых уже не было на свете к моменту рождения Воттаку, следовательно, и счет ведется всем родившимся детям. (Ср. с ситуацией в Европе XVI—XVIII вв., когда на картинах на религиозные сюжеты, предназначенных в дар церкви, изображалось и семейство донатора, причем в полном составе, включая и детей, умерших к моменту создания холста или витража. Аналогичные изображения всей семьи, включая умерших детей, встречались в Европе в то же время и на родительских надгробьях. См.: Арьес 1999: 51–52). Достоинство внимания и следующее обстоятельство: женщина, носившая это имя в случае, зафиксированном Л. В. Хомич на Ямале в 1970-е гг., была так названа потому, что родилась одиннадцатой в семье. Производное от этой же основы имя «Вотта», с таким же значением ‘лишняя’, упоминается в произведении «Три Вай», записанном в архангельской тундре в 1959 г. З. Н. Куприяновой. И опять из комментария становится известно, что героиня родилась одиннадцатой по счету. Таким образом, в трех различных случаях, зафиксированных в разное время и на разной территории, «лишним» оказывается именно одиннадцатый ребенок. Причины, по которым это происходит, достойны отдельного исследования. Можно только заметить, что вопросы значения имен числительных в ненецком языке были подробно рассмотрены Г. Н. Прокофьевым, который указывает, что в ямальском и других говорах ненецкого языка существуют такие варианты названия чисел второго десятка, как 11 — юкад вата џоб’ (џопой) (‘10 и 1 лишней’), дословно «от десятки излишествующая (или чрезмерная) единица»; 12 — юкад вата сидя (‘10 и 2 лишней’) и т. д., где «вата» — причастие, образованное от глагольной основы ва’-. «Глагол вац’ означает «быть чрезмерным, быть лишним» (Прокофьев 1939: 19). (Приношу благодарность Н. Б. Вахтину, который обратил мое внимание на такую возможность толкования).

¹⁰ Эта история была записана мною в конце второй экспедиции, я не задавала прежде, к сожалению, подобного вопроса своим информантам, и поэтому не могу точно сказать, что означает отсутствие подобной информации в литературе. Возможно, такие рассказы ранее просто не попали в поле внимания исследователей. Интересно, что в списке «личных имен, образованных от названий животного и растительного мира», который приводит М. Я. Бармич, есть несколько вариантов имени, в переводе означающих «медведь-старик», «медвежонок», и иносказательное имя тазовских ненцев «белый медведь», но нет варианта, приводимого мальчиком. В этой же работе присутствует указание на то, что «ненцы в качестве личного имени берут название не любого животного, а только того, которое является безопасным для их хозяйства. Так, например, в говорах тундровых ненцев нет имен, образованных от запретных слов «волк» и «медведь». Правда, лесные ненцы приводят имена с этими словами, но их произношение несколько смягчено: «медведь-старик» и «медвежонок» (Бармич 1980: 94) — здесь указывается, что таких имен не зафиксировано, но не сообщается о существовании прямого запрета использовать какое-либо слово в качестве имени.

¹¹ М. Я. Бармич фиксирует для Ямальского говора вариант Мюсеня (Бармич 1980: 95).

¹² Или другой пример, описанный Л. В. Хомич. Женщина говорит о себе: «Меня по-ненецки зовут Умы, что значит «поцелуй». Так меня назвал мой старший брат. Мать на улице колола дрова, а брат говорит: «Я ее целую и целую, а она все плачет. Так меня и назвали — Умы, досл. ‘нос’ (целуют маленьких в кончик носа)» (Хомич 1976б: 118). Хомич, правда, называет имя «прозвищем», но использует это слово здесь не в том значении, в котором его используют мои информанты. Она считает прозвищами все мотивированные имена, «прозвищами» они являются, на ее взгляд, по отношению к «священным», «истинным».

¹³ ЕУ—ямал—2001; конспект урока. Обратим внимание, что учительница не считает необходимым приводить дополнительную мотивировку запрета произносить имя: по ее мнению, сказанного достаточно, дети сами знают, что имена старших, а тем более умерших, не произносятся

¹⁴ Ср. у нганасан: «Отмечаются отдельные случаи, когда за ребенком сохраняется его “детское” имя, т. е. имя, которым он сам назвал себя, начав говорить, или как называли его старшие братишка или сестренка, например, *Лиллика*» (Терещенко 1986а: 225).

¹⁵ В опубликованной литературе не содержится указаний на существование какой-либо связи между поясом и именем. О самих поясах нам известно, что совсем маленькие дети их не носят, а для малиц мальчиков лет 4–5 отцы уже изготавливают маленькие кожаные пояса наподобие мужских наборных, украшая их пуговицами, медными бляшками и прикрепляя миниатюрные ножки в ножнах (Хомич 1988: 67–68). Взрослый же мужчина всегда носит пояс, без него он не считается полностью одетым.

¹⁶ Перевод этой пословицы вместе с ее оригинальным текстом был записан в 2001 году от ненки, родившейся в 1960-е годы.

¹⁷ ЕУ—ямал—98 и ЕУ—ямал—2001.

¹⁸ Например, два брата из рода Ядне имеют жен, принадлежащих к разным родам, у каждой из этих жен есть по брату. Имена этих братьев и совпали. А поскольку рассказывала о своих родственниках племянница братьев Ядне, то в моем списке эти люди были записаны как принадлежащие к одной семье.

¹⁹ Это же нежелание тревожить покойника можно увидеть и в принципиальной безымянности ненецких захоронений. Так, например, на поселковом кладбище в Яр-Сале имеется два типа погребений ненцев: по русскому образцу и «по ненецкому» (т. е. наземные). Вторых могил больше, в их оформлении прослеживается некоторое русское влияние — появляются, например, искусственные цветы, на одной даже имеется крест, но все погребения анонимны: заимствования таких атрибутов, как портрет или табличка с именем, не были замечены мною ни разу.

²⁰ Например, ненцы избегают употреблять в речи названия болезней, хотя «все существующие названия носят описательный характер... Видимо, <...> сказываются последствия существовавшего некогда убеждения, что, произнеся имя болезни, можно ее накликать» (Терещенко 1967: 129).

²¹Схожая ситуация зафиксирована у обских угров. Их традиция также предусматривает запрет на произнесение имени умершего и «возвращение» имени после определенного срока. Однако, по сведениям З. П. Соколовой, действие этого правила в хантыйской традиции противоположно ненецкому обычаю: если у ненцев имя умершего дается ребенку после истечения определенного срока, то у хантов срок действия запрета истекает после того, как душа умершего воплотится в новорожденном, т. е. после наименования ребенка этим, ранее запретным, именем (Соколова 1975: 49).

²²За исключением одного упоминания у А. В. Головнева (Головнев 1995: 413–414).

²³Отождествление было настолько полным, что ребенка называли при обращении соответствующим родственным термином, так, например, его отец мог обратиться к нему: «брат», бабушка: «сын», а его двоюродный брат мог называть его «дядей». (Соколова 1975: 49) Эта система во многом схожа с той, которая описана Н. Б. Вахтиным для народов северо-востока Сибири (Вахтин 2001: 216–231). Одно из серьезных отличий заключается в том, что у ненцев и обских угров возвращающиеся имена строго попадают к людям одного пола с умершими, а в системе, описанной Вахтиным, обязательного совпадения пола умершего и родившегося не требуется.

²⁴См. об этом также Вахтин 2001: 229.

²⁵Так, они вполне допускают, что я могу по незнанию обратиться в чуме к старшим по имени, и не видят в этом ничего ужасного: *я могу к хозяйке чума обращаться по имени?* 1. Можно. 2. Можете. *Можно?* 2. Вы же ... [пожимает плечами] гость (ученики Санаторно-Лесной школы 1988 и 1989 г. р.); (ЕУ–ямал–2001; 6). Реакция мальчиков вполне сопоставима с нашим снисходительным отношением к путающему «ты» и «вы» иностранцу.

²⁶В отличие, например, от нарушения запрета произносить имя покойника.

²⁷Нися (гьд. нища) — ‘отец’. Расшифровка фиксирует особенности говора Гыданской тундры, откуда родом мальчик, там произносят *щ* вместо литературного *с*.

²⁸Автор использует эти слова как синонимы.

²⁹Ср., например, описание этого запрета Вербовым: «Существовал запрет произносить вслух имя человека в его присутствии. Младшие не называли имени старших, жены мужей, мужья — жен. Поэтому жена обычно называла мужа хасава — муж, мужчина, или вэсака — старик, а муж обращался к жене в безличной форме или именовал ее ня — товарищ, или, наконец, по имени ребенка» (Вербов 1947: 94, прим. 51).

³⁰Затруднения возникали иногда только с именами бабушек и дедушек.

³¹Ср. описание подобной драки в рассказе Н. Ядне «Трамбусь потерялся» (Ядне 1999: 124).

³²«Собака» для ненцев оскорбление более сильное, чем для русских.

³³Деятельность православной миссии вообще не была на Ямале особенно успешна, и хотя число крещеных самоедов постепенно росло, но их крещение нередко практически никак не изменяло их повседневную жизнь, более того,

и сами священники, и исследователи отмечали, что «имели место факты переноса традиционных форм почитания на объекты христианской религии» (Хомич 1979: 28).

³⁴ Ср. пример аналогичного наименования (Ненянг 1996: 21–23).

³⁵ Примерно так она произносит это слово.

³⁶ Кроме тех двух зарегистрированных случаев, о которых уже шла речь ранее.

³⁷ Источники познаний ненцев о различных именах могут быть весьма разнообразны. Так, одна бабушка-тундровичка, по-русски говорящая не очень хорошо, дала своему внуку имя Альберт, в честь героя мексиканского сериала «Богатые тоже плачут», несколько серий которого она посмотрела, пока была в гостях в поселке. Примечательно, что, по словам матери Альберта, ее мнения при назывании сына не спрашивали. То есть, мы имеем дело с достаточно традиционной формой, когда право наречения имени принадлежит старшему поколению.

³⁸ И именно этим именем она представилась, когда ей пришлось знакомиться со мной как с официальным лицом — «этнографом из Петербурга», но больше этого имени я в обращении к ней за весь наш период знакомства практически не слышала.

³⁹ Роль во многом аналогичную этой, похоже, играли порой и крестные имена самодийцев. Они давались при крещении, потому что так было положено, но нередко случалось так, что никакого места в жизни человека это имя не занимало, в отличие от «истинного» имени его никто не скрывал, оно просто благополучно забывалось.

⁴⁰ С этого момента уже может идти речь о полноценной паре имен, противопоставленных друг другу по происхождению и, может быть, по сфере применения.

⁴¹ При анализе материала за одно поколение я считала людей, родившихся на протяжении одного десятилетия.

⁴² Однако родители смотрят на это несколько иначе: в чуме, где я жила, младшую дочку, которой еще не было двух лет, все звали ее ненецким именем — и родители, и братья с сестрами, и вслед за ними я. Однажды я стала переписывать тех, кто жил в чуме; когда очередь дошла до этой девочки, хозяйка чума довольно резко велела мне записывать не ненецкое, а русское имя, которого я никогда раньше не слышала, и о существовании которого не подозревала. В ответ на мое недоумение она сказала, что «надо писать Алиса, она Алиса, Алисой записана, Алисой будет». Никогда позже, в течение нескольких дней, пока я там жила, это имя ни разу не было использовано. Но можно предположить, что когда девочка подрастет, то именно так ее будут звать окружающие, и именно под именем Алисы она будет учиться в школе.

⁴³ Интересно, что с этой точки зрения призыв давать своим детям национальные имена, который иногда можно услышать от представителей национальной интеллигенции, беспokoящейся о том, что их народ может полностью ассимилироваться и потеряться, является гораздо большим нарушением традиции, чем ношение ребенком русского имени.

⁴⁴ Аналогичные наблюдения делает и Л. В. Хомич (1976б: 117).

⁴⁵ Еще Л. В. Хомич писала, что мотивированное имя — это детское имя, взрослого человека зовут либо русским именем, либо «настоящим», которое перестает восприниматься как священное (Хомич 1976б: 117).

Литература

- Аррес Ф.* Ребенок и семейная жизнь при старом порядке. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 1999. 416 с.
- Бармич М. Я.* Семантика личных имен ненцев // Лексико-грамматические исследования языков народов Севера СССР: Сб. науч. тр. Л., 1980. С. 83–102.
- Васильев В. И.* Обрядовая сторона представлений, связанных с рождением ребенка и свадьбой, у ненцев низовья Енисея // Традиционная обрядность и мировоззрение малых народов Севера / Отв. ред. Гурвич И. С., Соколова З. П. М., 1990. С. 104–131.
- Вахтин Н. Б.* Возвращение умерших и наречение имен на Северо-востоке Сибири // Альманах «Канун». Вып. 6: Чужое имя. СПб., 2001. С. 216–245.
- Вербов Г. Д.* [Примечания и комментарии] // Зуев В. Ф. Материалы по этнографии Сибири XVIII века (1771–1772). М.; Л., 1947. С. 92–95.
- Головнев А. В.* Говорящие культуры: традиции самодийцев и угров. Екатеринбург: УрО РАН, 1995. 608 с.
- Грачева Г. Н.* К вопросу о влиянии христианизации на религиозные представления нганасан // Христианство и ламаизм у коренного населения Сибири (вторая половина XIX — начало XX в.) Л., 1979. С. 29–49.
- Грачева Г. Н.* Социализация детей и подростков в традиционном обществе нганасан // Традиционное воспитание у народов Сибири. Л.: Наука, 1988. С. 38–62.
- Долгих Б. О.* Старинные обычаи энцев, связанные с рождением ребенка и выбором ему имени // Краткие сообщения Института этнографии. М., 1954. Т. 20. С. 35–43.
- Зеленин Д. К.* Табу слов у народов Восточной Европы и Северной Азии // Сборник МАЭ. Л., 1930. Т. 9. С. 1–166.
- Зуев В. Ф.* Материалы по этнографии Сибири XVIII века (1771–1772) / Примеч. и коммент. Г. Д. Вербова. М.; Л.: АН СССР, 1947. 96 с.
- Иславин В.* Самоеды в домашнем и общественном быту. СПб., 1847. 142 с.
- Карьялайнен К. Ф.* Религия югорских народов / Пер. с нем. и публ. Н. В. Лукиной. Томск: Изд-во Томского ун-та, 1994. Т. 1. 152 с.
- [Куприянова З. Н.]* Эпические песни ненцев / Сост., автор вступ. ст. и комм. З. Н. Куприянова. М.: Наука, 1965. 782 с.
- Лехтисало Т.* Мифология юрако-самоедов (ненцев). Томск: Изд-во Томского ун-та, 1998. 136 с.

- Личные имена в прошлом, настоящем и будущем: проблемы антропонимики. М.: Наука, 1970. 335 с.
- Ляльская Е. В.* Культурная ассимиляция или два варианта культуры? (на примере ненцев Ямала) // Антропология. Фольклористика. Лингвистика: Сб. статей. СПб., 2001. Вып. 1. С. 36–55.
- Ненянг Л.* Наши имена: к вопросу об имянаречении и бытовании собственных имен у ненцев Таймыра. Антропонимический очерк. СПб.: Отд. изд-ва Просвещение, 1996. 106 с.
- Неркаги А. П.* Белый ягель // Молчащий. Тюмень: Софтдизайн, 1996. С. 11–118.
- Никонов В. Н.* Задачи и методы антропонимики // Личные имена в прошлом, настоящем и будущем: проблемы антропонимики. М.: Наука, 1970. С. 33–56.
- Попов А. А.* Тавгийцы. М.; Л.: АН СССР, 1936. 111 с.
- Попов А. А.* Енисейские ненцы (юраки) // Известия Всесоюзного Географического Общества. 1944. Т. 76, вып. 2–3. С. 76–95.
- Прокофьев Г. Н.* Числительные в самодийских языках // Советский Север: Сб. статей по вопросам экономики, истории, этнографии, языка и культуры народов Советского Севера. Л., 1939. № 4. С. 5–25.
- Прокофьева Е. Д.* Материалы по религиозным представлениям энцев // Сборник МАЭ. М.; Л., 1953. Т. 14. С. 194–230.
- Соколова З. П.* Наследственные или предковые имена у обских угров и связанные с ними обычаи // Советская этнография. 1975. № 5. С. 42–52.
- Соколова З. П.* Обские угры // Система личных имен у народов мира. М.: Наука, 1986. С. 241–244.
- Сусой Е. Г.* Из глубины веков. Тюмень: ИПОС РАН, 1994. 176 с.
- Терещенко Н. М.* В помощь самостоятельно изучающим ненецкий язык. Л.: Учпедгиз, 1959. 148 с.
- [*Терещенко Н. М.*] Ненецко-русский словарь / Сост. Н. М. Терещенко. М.: Сов. энциклопедия, 1965. 942 с.
- Терещенко Н. М.* Собственные имена людей у ненцев // Вопр. советского финно-угроведения. М., 1966. Вып. 3. С. 62–71.
- Терещенко Н. М.* Слова табу в ненецком языке // Советское финно-угроведение. 1967. № 2. С. 123–130.
- Терещенко Н. М.* Нганасаны // Система личных имен у народов мира. М., 1986а. С. 223–226.
- Терещенко Н. М.* Ненцы // Там же. М., 1986б. С. 234–237.
- Топоров В. Н.* Имена // Мифы народов мира. М., 1987. Т. 1. С. 508–510.
- Тохля Г.* У меня два имени // Северные просторы. 1995. № 4–5. С. 62.
- Успенский Б. А.* Мена имен в России в исторической и семиотической перспективе // Избранные труды. М., 1996. Т. 2. С. 187–202.
- Хомич Л. В.* Ненцы: историко-этнографические очерки. М.; Л.: Наука, 1966. 330 с.

- Хомич Л. В.* Представления ненцев о природе и человеке // Природа и человек в религиозных представлениях народов Сибири и Севера второй половины XIX — нач. XX вв. Л., 1976а. С. 16–30.
- Хомич Л. В.* Проблемы этногенеза и этнической истории ненцев. Л.: Наука, 1976б. 190 с.
- Хомич Л. В.* Влияние христианизации на религиозные представления и культы ненцев // Христианство и ламаизм у коренного населения Сибири (вторая половина XIX — начало XX в.) Л., 1979. С. 12–28.
- Хомич Л. В.* Обычай и обряды, связанные с детьми у ненцев // Традиционное воспитание у народов Сибири. Л., 1988. С. 63–79.
- Ядне Н.* Я родом из тундры. Кн. 1. Тюмень: Софтдизайн, 1995. 256 с.; Кн. 2. М.: ППО Известия, 1999. 150 с.